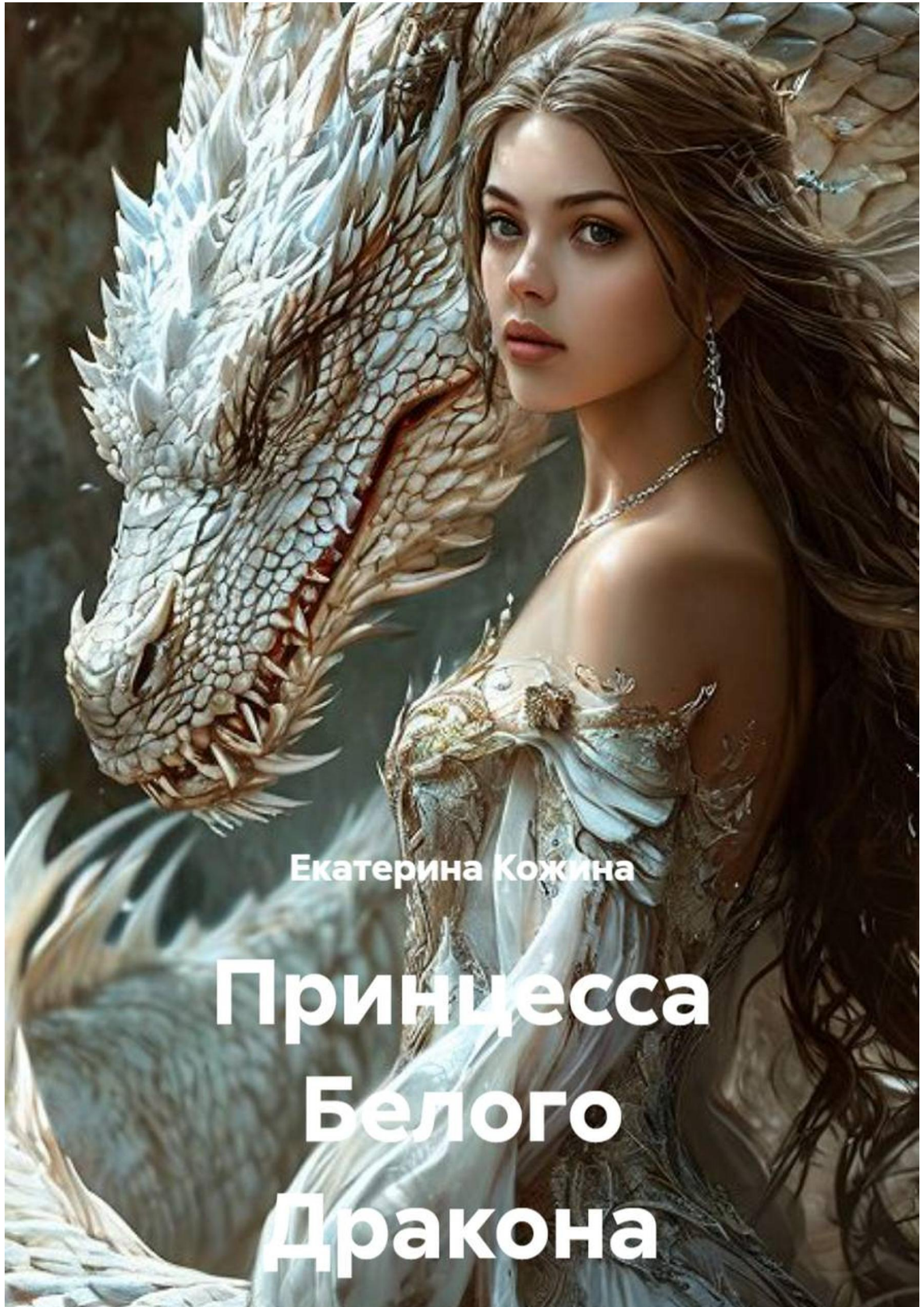

Екатерина Кожина

Принцесса Белого Дракона

Екатерина Кожина

Принцесса Белого Дракона

«Автор»

2026

Кожина Е.

Принцесса Белого Дракона / Е. Кожина — «Автор», 2026

Кира просто шла с работы и загляделась на красивый закат, когда к ней из портала вылетели четыре огромных дракона и забрали в свой мир.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	9
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	33
Глава 15	35
Глава 16	38
Глава 17	41
Глава 18	43
Глава 19	45
Глава 20	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Екатерина Кожина

Принцесса Белого Дракона

Глава 1

Небо над окраиной подыхало. Оно исходило персиковым сиропом, который густел и превращался в грозовую чернику. Кира стояла посреди пустыря. Под ногами валялся битый бетон — серые кости старых строений, между которыми пробивалась чахлая, никому не нужная трава. Вокруг не было ни души. Только пустота и тишина.

В сущности, она была совершенно обычной. Из тех вежливых девушек, которые исправно платят по счетам, не верят в дешевую романтику и умеют молчать так, чтобы коллеги по работе ничего не заподозрили. Она не искала приключений. Но у нее была своя тайная болезнь — небо. Когда-то врачи нашли у нее шумы в сердце. Обычный глупый стук, который закрыл для нее небо навсегда. Теперь она работала диспетчером. Сидела в душной комнате и чертила чужие маршруты среди облаков.

Девушка стояла и смотрела вверх, провожая этот день. В облаках не было людской суеты. Там вообще ничего не было, кроме покоя и угасающего света, который Кира пыталась запомнить.

Потом воздух вдруг стал холодным. Кристальным и резким, какой бывает только высоко в горах, где уже трудно дышать. Ветер налетел ниоткуда. Странный, точечный порыв, который обнял только ее, а в паре метров трава даже не шелохнулась.

Кира опустила голову и замерла. Прямо перед ней, на уровне груди, висело маленькое облако. Не больше яблока. Оно медленно кружилось, а внутри него, как в старом сломанном реле, вспыхивали фиолетовые искры. Крошечные, злые молнии. Пахло озоном и настоящей грозой — так пахнет свобода после долгой засухи.

Она протянула ладонь. Облако опустилось на кожу, покалывая пальцы легкими разрядами тока. В ту же секунду ее прежняя, серая жизнь диспетчера треснула и развалилась на куски. Из трещин пахло чудом, в которое Кира уже давно не верила.

Глава 2

Маленькое грозное облако сделало вокруг нее два ленивых круга. А потом исчезло с тихим, сухим хлопком.

И почти сразу небо треснуло. По блеклой, выцветшей ткани сумерек поползла фиолетовая щель. Оттуда пахло бездной и старым железом.

Из разлома вывалились четыре точки. Сначала Кира подумала, что это птицы. Но через пару минут земля под ногами вздрогнула так, будто где-то на окраине взорвали склад с горючим. На пыльный бетон пустыря рухнули четыре огромных черных чудовища. Каждое — размером с пассажирский «Боинг».

Фиолетовая дымка заволокла ящеров. Когда он рассеялся, на бетоне стояли четверо мужчин. На них была странная форма — черное сукно полувоенного кроя, высокие кожаные сапоги и серебряное шитье на воротниках. Так могли бы выглядеть офицеры какой-нибудь забытой армии.

Тот, что шел впереди, сделал шаг к Кире. У него были глаза цвета предгрозового неба, и в этих глазах читалось усталое облегчение.

— Мы нашли тебя, — сказал он. Голос у него был глухой, привыкший отдавать приказы, которые не обсуждают. — Ты из нашего мира. Белый дракон. Дома мы все расскажем. Но сейчас у нас нет времени. Этот чертов портал закроется с минуты на минуту, держать его — адская работа. Ты нужна своему дому. Летим с нами.

Девушка молчала. Внутри нее образовалась странная, звенящая пустота. Логика, недоплаченная ипотека, завтрашняя утренняя смена в аэропорту — все это вдруг потеряло всякий смысл, став мелким и далеким. Перед ней стояли драконы. Настоящее волшебство, пахнущее озоном и свободой.

— Летим, — сказала она.

Она еще плохо соображала, но небо звало ее слишком громко.

— Отлично. Приготовься, — коротко бросил мужчина.

Фиолетовый туман снова накрыл их. И снова на пустыре материализовались четыре черных гиганта. Их вожак медленно опустил тяжелое крыло к самой земле. Он приглашал ее. Кира полезла вверх. Это было похоже на безумный сон. Она цеплялась за теплую, жесткую чешую, пока не устроилась между массивными костяными шипами на его шее. Под ее ладонями билась чужая, огромная жизнь.

Драконы взмахнули крыльями. Синхронно, тяжело, сминая воздух. С оглушительным, яростным ревом они оторвались от грязного бетона и пошли вверх, прямо в фиолетовую рану на теле неба, которая уже начала затягиваться.

Глава 3

Вспышка портала ударила по глазам. Воздух внутри него закружился сумасшедшим водоворотом — резкий, неестественный запах мяты. Но стоило драконам прорвать фиолетовую пелену, как Кира забыла, как дышать.

Новый мир был чист. На Земле мы привыкли к копоти заводов, уродству серых высот и бездушным скелетам радарных вышек. Здесь ничего этого не было. С высоты птичьего полета открывалось то, что люди давно разучились ценить: бескрайние, молчаливые изумрудные леса, хрустальные ленты рек и белокаменные города с остроконечными крышами, затерянные в долинах.

Драконы пошли на посадку. Они опустились на огромное зеленое поле плавно. Посреди поля полукругом застыли гигантские камни, исписанные светящимися рунами. Как только лапы ящеров коснулись травы, их снова окутал туман. Все закончилось слишком быстро. Кира съехала по жесткому крылу вожака. Мгновение — и на месте чешуйчатого монстра уже стоял высокий мужчина.

У подножия камней ждали те, кто держал для них эту дверь. Десяток колдунов из последних сил цеплялись за гаснущий фиолетовый луч. Старики с седыми бородами в тяжелых, пахнущих пылью мантиях, и совсем мальчишки, у которых от напряжения ходуном ходили колени. Эти люди были истощены до предела. Мертвенная бледность на лицах, а из дрожащих пальцев срывались последние, жалкие искры.

Увидев девушку, они замерли. В их глазах не было страха, только глубокое, усталое уважение к той, ради которой они едва не отдали свои жизни. Старейшина безмолвно склонил голову. Остальные повторили этот жест — медленно, словно подчиняясь не приказу, а общему, невысказанному горю и надежде.

В следующую секунду портал закрылся с тихим, едва слышным вздохом. Колдуны растаяли в воздухе — телепортировались в свои обиталища.

— Пойдем, — сказал мужчина. — Тебе нужно прийти в себя и согреться. Холод всегда пробирает до костей после таких дорог. Райан, подготовь периметр. Габриэль — охрана.

Киру увели к краю поля, где тускло желтели палатки лагеря. Ее ввели в огромный шатер. Внутри было то обманчивое походное уютство: пушистые ковры, резная деревянная мебель и старый, но дорогой кожаный диван, пахнущий прошлыми походами.

— Присаживайся.

Мужчина устроился в кресле напротив. Его движения были точными, лишенными суеты. Из серебряного кувшина он налил в кубок янтарную жидкость. От нее шел легкий, едва заметный пар.

— Выпей. Это настой на ягодах огневики. Хорошая штука. Снимает пространственную тошноту.

Кира сделала глоток. Напиток оказался сладковато-пряным, с горьким послевкусием, и мгновенно разлился по телу тяжелым, спасительным теплом. Туман в голове начал рассеиваться. Мир вокруг снова обрел четкие, трезвые контуры. Она поставила кубок на столик и расправила плечи.

— Итак, — девушка посмотрела прямо в его серые, уставшие глаза. — Я в чужом мире. Колдуны падают от усталости, чтобы меня встретить, а вы носите мундиры, которые на Земле давно сдали бы в музей. Давайте начистоту, без этих загадок. Кто вы такой, и какая у вас ко мне, как вы выразились на пустыре, «острая нужда»?

Он едва заметно улыбнулся. Ему, должно быть, нравился ее прямой, немного циничный напор. Но улыбка тут же исчезла. Его взгляд на миг подернулся дымкой.

— Мое имя — Эдан, — сказал он, и его голос прозвучал глухо. — Я командующий Южным крылом Черных драконов.

Эдан сделал глубокий вздох, собираясь с мыслями перед долгим рассказом, от которого, как он знал, никому из них уже не станет легче.

Глава 4

Эдан посмотрел на кубок в руках Киры. Его голос стал тише.

— Наш мир — это не просто земля под ногами. Это перекресток, где сходятся тысячи невидимых дорог со всей вселенной. И самые темные твари веками пытаются прорваться сюда. Им нужны наши ресурсы, наша магия. Им нужно все. Но на их пути всегда стояли мы.

Он замолчал. Ему не хотелось говорить, но молчать было еще тяжелее.

— В самом начале времен жил Великий Дракон, — Эдан горько усмехнулся, словно извиняясь за то, что вынужден говорить красивыми сказками. — От него пошли два рода. Белые драконы унаследовали чистую магию неба и стихий. Они были нашей совестью и нашей силой. А черные — такие, как я и мои парни, — стали просто воинами. Карающим мечом и щитом. Но между нами есть один закон. Старый, глупый и жестокий закон, который выжжен в нашей крови. Белые и черные драконы не должны любить друг друга.

Он посмотрел на свои ладони, словно искал на них следы этой проклятой крови.

— Наш союз противоестественен. Он нарушает баланс, ломает порядок и разрушает саму суть драконьей природы. Так говорят жрецы.

Девушка слушала. Ощущение нереальности происходящего растворялось, уступая место той странной, щемящей тоске, которая всегда приходит ночью в чужом городе. Она смотрела на Эдана и чувствовала, как внутри нее, где-то глубоко под сердцем, отзывается каждое его слово.

— У каждого рода своя власть, — продолжал Эдан, и на его губах снова появилась горькая, едва заметная усмешка. — У нас, черных, все просто. Правителя выбирают по закону меча. Тот, кто считает, что в нем есть сила, выходит на турнир. Тот, кто победит — будь то мужчина или женщина, — становится вожаком. У белых драконов все точно так же, только вместо стали они используют магию. И вот, больше двадцати лет назад, на их престол взошел молодой, чертовски одаренный король. А у нас турнир выиграла женщина. Прекрасная, грозная воительница. Наша королева.

Эдан поднялся с кресла. Он сделал несколько шагов по палатке, словно ему стало тесно, и остановился спиной к Кире. Он смотрел на колышущуюся от ветра ткань входа, туда, где в темноте умирали искры костров.

— Они встретились на каком-то очередном совете, — его голос стал тихим и глухим. — И случилось то, чего не должно было произойти. То, что ломает любые законы и любые жизни. Белый король полюбил черную королеву. А она... она ответила ему. Совет поднял вой. Они признали эту любовь кощунством и преступлением против природы. Их сослали в Пустыню Смерти. Проклятое, выжженное солнцем место на самом краю мира. Оттуда нет дорог назад. Ни один человек и ни один дракон никогда не возвращался оттуда живым.

Эдан обернулся. В его глазах, обычно таких сухих и жестких, блеснули слезы. Он отчаянно пытался скрыть их за этой своей напускной суровостью, но отчаяние все равно прорывалось наружу.

— Они провели там несколько лет в полной изоляции, — сказал он. — Представь себе: вдвоем, день за днем, медленно угасая без магии неба. И через какое-то время там, среди безжизненных песков, у них родилась дочь.

В палатке повисла тишина. Кира сидела неподвижно, боясь пошевелиться, словно от любого неосторожного движения этот хрупкий мир мог расколоться вдребезги.

— Рождение ребенка в таком месте — это чудо, которого не должно было случиться, — продолжал он, глядя куда-то мимо нее. — Но эта земля забирала все. Драконница отдала все силы, всю свою жизнь, чтобы подарить девочке этот первый вдох. Она успела только поцело-

вать дочь, обнять своего возлюбленного в последний раз... и умерла у него на руках. Просто ушла, оставив его одного.

Эдан на секунду зажмурился. На его лице проступили глубокие складки, словно он сам стоял тогда на тех проклятых песках.

— Он почти обезумел от горя. Попробуй представить: бескрайнее, пустое небо, тело единственной женщины, которую ты любил, и маленькое, беззащитное существо на руках, которое нужно как-то спасти. Но этот мир устроен так, что он никогда не дает времени даже на скорбь. В тот же самый час на нас обрушились чужаки. Это была страшная, яростная атака. Горели города, рушилось все. Земля содрогалась так сильно, что отголоски этой беды, всполохи чужих заклинаний и крики долетели даже до их убежища в пустыне. Мир вокруг них умирал, а он держал на руках новую жизнь.

Кира сжала в ладонях кубок. Пальцы побелели от напряжения, но металл оставался холодным. Перед ее глазами, словно сквозь пелену дыма, вставали чужие, далекие картины.

— Из своего изгнания белый король почувствовал: его сородичи проигрывают, — продолжал Эдан. — Мир стоял на краю гибели. И тогда он сделал невозможное. Пустыня удерживала тех, кто совершил грех, но она не имела права держать невинного ребенка. Ментально зацепившись за чистую, светлую душу своей маленькой дочери, он собрал остатки воли. Он буквально вырвался из этих проклятых песков, которые должны были стать его могилой. Он взмыл в небо и полетел к самому эпицентру катастрофы. Наш мир уже погибал.

Эдан подошел ближе. Он сел на край стола, совсем рядом, и посмотрел на нее с той бесконечной, щемящей грустью, с какой смотрят на детей, выросших среди руин.

— Твой отец был невероятно, пугающе сильным. Он собрал весь свой магический потенциал, каждую каплю жизни и магии белого дракона. Взлетел к чужеродному разлому и просто взорвал себя. Направленный удар первозданной магии запечатал вражеский портал. Он спас этот мир и одновременно создал волну, которая закинула тебя, его маленькую дочь, далеко-далеко — в другой, тихий мир.

Вот, значит, почему ее всю жизнь так непреодолимо, до боли звало небо. Когда она часами смотрела вверх, на облака над серыми земными городами, это не было странностью. Это была память сердца.

Глава 5

Эдан опустился на колено перед диваном. Он протянул руку и коснулся ее дрожащих, холодных пальцев. В его глазах больше не осталось ничего от сурового командира — только бесконечная нежность, на которую способны лишь очень одинокие люди.

— Никто в нашем мире не знал, что у погибших изгнанников остался ребенок, — продолжал он. Его ладонь едва заметно заискрилась магией, когда он бережно, почти невесомо утер слезу с ее щеки. — Никто не догадывался, что где-то еще дышит существо с белыми крыльями. Твой отец спрятал тебя слишком надежно. Он подарил тебе покой, и мы никогда, слышишь, никогда не посмели бы нарушить его там, на Земле... Если бы не случилась беда.

Он тяжело вздохнул. В его голосе, до этого мягком, вдруг зазвенела холодная сталь, смешанная с глубокой горечью.

— Пару лет назад у нас, черных драконов, на турнире меча победил новый правитель. Молодой, невероятно сильный, но ослепленный тщеславием и той опасной гордыней, которая всегда приводит к краху. Он решил, что черные воины больше не хотят подчиняться белым магам. Этот безумец совершил то, что нельзя исправить. Коварством, подлыми интригами и ночными ударами в спину он уничтожил всех белых драконов до единого. Наш мир лишился своего сердца, своего магического щита.

Эдан на секунду замолчал, глядя на свои руки, словно на них тоже лежал отсвет того чужого позора.

— Но ему и этого показалось мало. Он подчинил себе большую часть черных стай и повел их войной на остальные расы. Он решил завоевать весь этот мир, переломать его под себя.

Кира замерла, перестав плакать. Масштаб этой чужой, но теперь уже такой близкой трагедии оглушал.

— Сейчас идет война, — продолжал Эдан. — Эльфы, люди, гномы, колдуны — все магические народы объединились, чтобы выжить. Они воюют против черных драконов. А на стороне этого союза, против безумного короля, выступаем всего лишь мы — те четверо, что прилетели за тобой на Землю. Знаешь, почему мы пошли на это?

Он тепло улыбнулся. Это была та редкая, чистая улыбка, которая бывает только у людей, готовых идти до конца.

— Потому что я — младший брат твоей мамы. Той самой черной королевы, которая умерла в пустыне. Я твой родной дядя, Кира. Мои бойцы и я... мы рождены, чтобы защищать этот мир.

Эдан поднялся. Его шаги были тяжелыми, почти неслышными на пушистом ковре. Он подошел к резному столу, где тускло желтела старинная карта с неровными краями.

— Месяц назад на Великом совете колдуны объединили свои силы. Они заставили говорить древних оракулов, которые молчали веками. Все искали один-единственный ответ: как победить черного короля, если белая магия неба уничтожена? И оракулы ответили. Они открыли нам, что в чужом, далеком мире, среди людей, живет последняя белая драконица. Дочь изгнанников, унаследовавшая силу своего отца. Ты.

Эдан замолчал и повернулся к Кире. Он ждал, что она скажет, но она молчала. В палатке воцарилась тишина. Лишь далеко за холмами едва слышно, глухо рокотала приближающаяся гроза.

— Но это еще не все, — добавил Эдан. В его голосе промелькнуло что-то похожее на благоговейный страх. — Оракулы открыли то, во что совет до сих пор боится верить. Ты унаследовала не только магию отца. Каким-то чудом — возможно, это было последнее, предсмертное желание твоей матери — ты получила и ее силу. Силу и мастерство величайшей воительницы среди черных. В твоей крови живет то, что этот мир веками пытался запретить: и свет, и тьма.

Девушка опустила кубок на столик. Серебро жалобно, тонко звякнуло в тишине.

— То есть я два в одном? — ее голос прозвучал как-то неестественно.

— Ты — сильнейшая драконица из всех, кто когда-либо родился под этим небом, — серьезно ответил Эдан. — И именно поэтому Великий совет принял решение. Они просят тебя... нет, они умоляют тебя вызвать черного короля на поединок. Один на один. По нашему закону меча и магии.

Кира сидела, чувствуя, как у нее начинает мелко, раздражающе подрагивать левое веко.

— Поединок? — переспросила она. Ей искренне хотелось верить, что это просто дурной сон. — Один на один? С парнем, который вырезал целый род и командует армией? Послушай меня. Три часа назад я стояла на пустыре в своем мире и думала, как мне завтра отпроситься у начальника. Из всех боевых навыков у меня — только умение вежливо посылать наглых пилотов на другую посадочную полосу. Вы с ума сошли.

— Все верят в твою победу! — дракон горячо подался вперед и перехватил ее холодные ладони. В его глазах горела та слепая, отчаянная вера, которая бывает только у обреченных. — Все просто: твою маму на турнирах так никто и не смог одолеть. Она была непобедима. Ты несешь в себе ее кровь, ее силу. И все это подкреплено мощью лучшего белого мага. Черный король силен, но против союза двух величайших драконов прошлого у него нет шансов. Ты уничтожишь его.

— Послушай меня, дорогой дядя, — Кира решительно, резко высвободила руки. Шок внутри нее медленно, но верно перерастал в глухую, ледяную истерику. — В вашей драконьей логике есть один крошечный изъян. Моя мама тренировалась всю жизнь. Она жила этим. А я всю жизнь тренировалась не хамить людям в переполненном метро. Я даже крылья свои еще в глаза не видела. Как я буду сражаться? Заброшаю его канцелярскими скрепками? Или вежливо попрошу самоликвидироваться ради сохранения баланса сил в природе?

Эдан на секунду замаялся. В его глазах промелькнула тень замешательства — та минутная слабость, которую мужчины его склада обычно прячут глубже всего. Но он тут же взял себя в руки и улыбнулся. От этой улыбки его усталое лицо на миг показалось совсем молодым.

— Мы научим тебя летать, — сказал он. — Кровь сама все вспомнит, вот увидишь. У нее хорошая память на такие вещи. Магия внутри тебя уже просыпается — то маленькое облако на пустыре было лишь первым сигналом.

Он поднялся, подошел к выходу из палатки и обернулся. Он смотрел на нее с бесконечной теплотой и затаенной грустью. Ему самому было невыносимо, до тошноты больно взваливать судьбу этого мира на плечи хрупкой, испуганной девочки, которая только что узнала, как потеряла родителей. Но у них не было другого пути.

— Сейчас тебе нужно просто отдохнуть, — сказал Эдан. Его голос стал мягче, в нем появилось что-то домашнее, далекое от приказов и уставов. — Попробуй ни о чем не думать. Поспи. А завтра утром... завтра утром тебе придется встретиться с Великим военным советом. Они ждут твоего ответа. Но это будет только завтра. Спи спокойно, племянница.

Он отвесил легкий, чисто военный поклон — сдержанный, но полный глубокого почтения — и вышел, бесшумно задернув плотный полог палатки.

Кира осталась одна. Легла на кожаный диван, чувствуя, как уходит последнее тепло от выпитого настоя. Она уставилась в расшитый золотом купол шатра, который в полумраке казался бесконечным чужим небом. За тканью шумел незнакомый, прекрасный и равнодушный к человеческому горю лес. Где-то далеко, на самой грани слуха, меланхолично перекликались ночные птицы. Девушка закрыла глаза. За холмами глухо, монотонно рокотал гром, и в унисон этим далеким раскатам под ее кожей билась чужая, древняя и невероятно мощная сила. Она ждала своего часа, медленно согревая ее изнутри.

Глава 6

Утро началось не с кофе. Точнее, кофе в этом мире не было вовсе — еще одна маленькая земная радость, которую пришлось оставить на том пустыре. Зато у входа в палатку обнаружилась деревянная корзина. В ней лежала одежда: плотные кожаные брюки, эластичная замшевая куртка цвета лесного мха и высокие сапоги на мягкой подошве. Никаких корсетов, кринолинов и тяжелых платьев до пола, в которых женщины прошлых веков задыхались ради чужих стандартов. Примерив костюм, Кира с облегчением выдохнула. Это была одежда практичная, удобная, не сковывающая движений.

В шатре Великого военного совета ее ждали. Здесь собрались те, кто пытался удержать этот мир от катастрофы: седобородые маги в тяжелых мантиях, эльфийские генералы в сияющих доспехах, приземистые гномы военачальники с топорами на поясе. Девушка ждала, что на нее будут смотреть как на диковинный экспонат в зоопарке или как на секретное оружие, которое привезли со склада. Но стоило ей войти, как по шатру пронесся тихий, едва слышный шепоток одобрения.

Она стояла перед ними — спокойная, милая, немного растерянная, но удивительно настоящая. В ней не было того глупого, напыщенного высокомерия, которое так любят носить люди прежней знати, когда вокруг рушится жизнь. Она просто смотрела на них своими чистыми глазами, и это подкупало сильнее любых громких речей.

— Мы приветствуем тебя, белая драконица, — взял слово старейшина эльфов. Он изящно, по-актерски прижал руку к сердцу, но в его глазах читалась неподдельная усталость. — Твое появление здесь — благословение для наших земель.

Они не стали давить. На войне вообще редко давят, когда дело доходит до последней надежды — ее берегут. Эльфы, гномы и колдуны говорили мягко, почти извиняясь за то, что втягивают ее в это. Они делились старыми, затрепанными картами, честно и без прикрас признавали свои поражения и просто умоляли о помощи. Это был разговор обреченных, но не сдавшихся. Эльфы теряли свои вековые леса, гномы — подземные твердыни, колдуны выбивались из сил, отдавая последние крохи магии. Им нужен был кто-то, кто встанет между ними и смертью.

Слушая их, Кира чувствовала, как внутри ворочается то самое чувство долга, которое заставляет людей делиться последней коркой хлеба. Общая беда этих существ, до последнего защищавших свои дома, коснулась ее сердца.

— Хорошо, — сказала она. Ее голос оборвал затянувшуюся, слишком пафосную речь одного из магов. — Я вызову черного короля. Но мне нужно время. Я пока не умею быть драконом.

— Два месяца, — Эдан, до этого молча стоявший за ее плечом, веско кивнул совету. — Мы официально отправим вызов. По нашему закону он обязан дать ей два месяца на подготовку. Если откажется — его собственная стая сочтет его трусом. А трусов среди черных не прощают.

Шатер взорвался ликующими возгласами. Обреченные радовались так, словно война уже была выиграна. У девушки оставалось ровно шестьдесят дней, чтобы разбудить в себе то, о чем она еще вчера даже не догадывалась.

Первая тренировка началась через час на глухой лесной поляне, пахнущей сырой хвоей. Эдан расхаживал перед Кирой, заложив руки за спину.

— Трансформация, — бодро начал он. — На самом деле это просто вопрос мысленного импульса. Закрой глаза. Почувствуй, как твое тело расширяется, как чешуя прорастает сквозь

кожу, как за спиной раскрываются крылья. Тебе нужно выпустить своего внутреннего зверя. Давай, попробуй. Просто пожелай стать драконом. Здесь не нужно думать, здесь нужно хотеть.

Кира послушно закрыла глаза. Сделала глубокий вдох, впуская в легкие чужой, прохладный воздух. *«Я дракон, — подумала она, пытаясь вызвать в памяти хоть какие-то образы из старых книг. — Великое, грозное существо, повелитель неба»*. Внутри нее что-то жарко, тяжело ухнуло. По венам разлился жидкий, обжигающий огонь. Воздух вокруг затрещал от статического электричества, как перед сильной грозой.

— Да! Да, получается! — азартно закричал Эдан. В его голосе прорезались мальчишеские нотки. — Я чувствую манию белых! Давай, выпускай крылья! Смелее!

Раздался громкий, хлесткий хлопок. Поляну заволокло едким фиолетовым дымом. Когда он рассеялся, Эдан замер с открытым ртом. Его рука так и осталась висеть в воздухе. А охранявшие периметр войны вдруг начали подозрительно громко и фальшиво кашлять, отчаянно пытаясь скрыть смех за кулаками.

Кира открыла глаза и удивленно моргнула. Чуда не произошло — она все еще твердо стояла на своих двух ногах. Куртка и брюки были на месте, мир вокруг не перевернулся. Вот только за спиной, вместо величественных и грозных кожистых крыльев, судорожно и как-то растерянно трепыхались два крошечных, пушистых белых крылышка. Размером они были чуть больше ладони. Каждое — словно у упитанного рождественского купидона с дешевой открытки.

Девушка осторожно обернулась, посмотрела на это пуховое безобразие через плечо, а затем перевела взгляд на дядю.

— Эдан, — вежливо и мягко позвала она, стараясь сохранить остатки земного самообладания. — Скажи мне, как командир командиру. С такими габаритами я могу претендовать хотя бы на звание грозной курицы? Или черный король сразу умрет от смеха, избавив нас от необходимости воевать?

— Это... это просто временный сбой координации сил! — дракон покраснел до корней волос.

Он сурово зыркнул в сторону ближайших кустов, откуда доносилось подозрительное хрюканье и кашель.

— Твоя белая магия активировалась, а физическая форма драконов еще спит, понимаешь? — принялся оправдываться он, торопливо разводя руками. — Ты просто выдала силу порциями. Слишком много нежности для первого раза. Ладно, убирай их обратно, пока эльфы не увидели. А то они решат, что ты их дальняя родственница, и начнут петь баллады. Нам только этого не хватало.

Кира мысленно вздохнула. Маленькие крылышки с забавным, мягким пушком послушно втянулись обратно, оставив лишь легкое тепло между лопаток. Этот казус наглядно показал: легко не будет.

Но, несмотря на провал первого дня, мир принял ее с каким-то трогательным, почти детским теплом. Ее пытались согреть все, как могут согревать перед решающим боем. Приземистые гномы притащили к ее шатру тяжелые мешки с лучшим сушеным мясом — «чтобы драконья масса росла, леди, на одних травах войну не выиграешь». Эльфийские лекари каждое утро приносили ароматные, горьковатые отвары для укрепления духа. А старые колдуны, которым, казалось, и самим не помешало бы немного тепла, каждый вечер создавали над лагерем искусственные, невероятно красивые розовые облака. Просто чтобы Кира, засыпая, видела над головой что-то прекрасное, а не только серую ткань палатки и холодные звезды чужого неба.

На исходе первой недели тренировок, когда вечерний туман уже начал заползать в долину, Эдан вошел в ее палатку. В руках он бережно, словно ребенка, нес продолговатый

сверток из тяжелого черного бархата. Лицо его было торжественным и строгим, как у человека, который принес известие из прошлой жизни.

— Это тебе, — сказал он, разворачивая ткань на деревянном походном столе. — Наш кузнец всю неделю очищал его от многолетней пыли.

На черном бархате лежал длинный, изящный меч. Его лезвие было выковано из темного металла, который не отражал пламя свечей, а словно поглощал его, затягивал в себя. Но по самому центру клинка бежала тонкая, пульсирующая серебряная нить. Гарда была выполнена в виде расправленных, летящих драконьих крыльев. Оружие выглядело хрупким, но от него веяло надежностью.

— Меч твоей матери, — почти шепотом произнес Эдан. — Она выиграла с ним свой первый турнир. Тот самый, после которого ее называли королевой. Он помнит тепло ее руки.

Кира сделала шаг вперед. Она протянула руку и коснулась прохладной, обтянутой старой кожей рукояти. В ту же секунду серебряная нить на лезвии вспыхнула ослепительным, чистым белым светом. По пальцам, запястью и выше, до самого плеча, с сумасшедшей скоростью пробежала мощная, горячая волна. Это не был ожог — это было узнавание. И где-то там, в самой глубине ее испуганной земной души, вдруг раздался далекий, яростный и величественный рев черного дракона. Родная кровь отозвалась на зов стали.

Она подняла меч. Оружие показалось ей удивительно легким, словно оно было продолжением ее собственной руки, ее собственных мыслей. Девушка посмотрела на Эдана. Ее мягкая, привычная улыбка обычной земной девушки впервые сменилась прямым, уверенным взглядом той, в чьих жилах текла кровь двух правителей.

— Ну что, дядя, — произнесла она, и лезвие меча скользнуло в полумраке шатра, оставив серебряный след. — Попробуем еще раз с крыльями? На этот раз я планирую взлететь по-настоящему.

Глава 7

Учтя традиции этого мира, где белые драконы носили исключительно белое, а черные — черное, Кира сменила гардероб. Ей принесли тренировочный костюм из мягкой, прочной белой кожи с серебряной вышивкой на рукавах. Белый цвет удивительно шел ей. Он подчеркивал ту природную, земную мягкость, которую она еще не успела потерять, но теперь в ее облике появилось что-то по-настоящему величественное.

С магической трансформацией дела пошли в гору. Всего через две недели упорных тренировок девушка наконец смогла полностью пробудить в себе белого дракона.

Когда это случилось, лагерь замер. Войны бросили свои дела, маги опустили руки. На поляне стояла невероятной красоты белоснежная драконица. Ее чешуя переливалась на солнце, словно первый чистый снег. А глаза светились мягким фиолетовым огнем.

Взмахнув огромными крыльями, драконица оторвалась от земли и взмыла ввысь. Там, в бескрайней лазури, ее накрыло абсолютное чувство свободы. Она летела. Кира буквально пьянела от этого неба. Кувыркалась в облаках, пропускала сквозь когти прохладные воздушные потоки и смеялась драконьим эхом, распуская эльфийских патрульных. На несколько часов она забыла про войну, про долг и про то, что ее ждет. Она была дома. На своем месте.

Но стоило ей спуститься на землю и принять человеческий облик, как сказка заканчивалась.

Перед ней на столе лежал изящный черный меч ее матери. Холодное железо, созданное для того, чтобы забирать чужие жизни. Девушка подошла и со вздохом взялась за рукоять. Мамины гены сработали как надо — физически клинок ее слушался, сталь узнавала родную кровь. Она без труда подняла его одной рукой, сделала легкий, неумелый взмах... и чуть не отрубила себе носок нового белого сапога. Потеряв равновесие, она неловко завалилась набок, едва успев выставить свободную руку, чтобы не растянуться на траве.

— Так, — произнесла Кира, возвращаясь в вертикальное положение и сердито поправляя белую куртку. — Поднять-то я его подняла. А инструкция по эксплуатации к этому железу прилагается? Кажется, у меня в настройках полностью отсутствует функция «попади по врагу и не покалечь себя».

Войны охраны в кустах синхронно зажали рты ладонями. Эдан сокрушенно потер переносицу — жест человека, который понимает, что времени осталось слишком мало, а работы слишком много.

— Поднять меч — это лишь десятая часть дела, — вздохнул дядя, доставая свой тренировочный клинок. Сталь послушно и тихо звякнула в его руке. — Ты держишь его как кухонный нож, которым собираешься почистить картошку на ужин. Черный король — мастер фехтования. Он из тех, кто превратил убийство в искусство. Он снесет тебе голову в первые три секунды, если ты будешь просто махать им во все стороны, как на сельской ярмарке. Нам нужно импровизировать. Раз уж ты не умеешь атаковать, будем учиться выживать.

Дракон встал в боевую стойку. Его движения были плавными, отточенными годами походов. Он поднял оружие на уровень груди.

— Я научу тебя глухой защите, — сказал он, и его голос стал сухим. — Твоя задача — угадывать траекторию моего удара, перехватывать его клинком и одновременно ставить ментальный щит белых магов. Будем закрывать дыры в обороне твоей магии твоим упрямством. Готова?

— Нет, — честно призналась Кира, неуклюже перехватывая легкий, но непослушный меч двумя руками. Рукоять казалась слишком скользкой.

— Отличный ответ. Тренировка началась! — рявкнул Эдан и сделал молниеносный выпад.

Следующий час превратился для девушки в ад. Меч в ее руках свистел, рассекая воздух, но все время не там, где нужно. Сталь казалась чужой, упрямой. Она крутилась волчком, уворачивалась, шипела от досады, когда тренировочный клинок дяди то и дело с тихим, глухим стуком плашмя опускался на ее плечи или бока. Кира не паниковала. Шок уступил место какому-то злому упрямству. Она внимательно, не отрываясь, следила за движениями Эдана.

— Выше щит! — кричал Эдан, заходя сбоку и атакуя снова. В его голосе не было жалости — только жесткая необходимость выучить этот урок до того, как прольется настоящая кровь.

Кира задыхалась, легкие горели от бешеного темпа. В самый последний момент она успела выставить меч наперерез. Клинки скрестились с резким, визгливым звоном. Одновременно из ее левой ладони брызнули густые фиолетовые искры магии — щит белых магов встал как раз вовремя, заблокировав удар.

Клинок Эдана с треском отскочил от ее комбинированной защиты, словно наткнулся на каменную стену. Дядя замер, тяжело дыша. На его суровом лице появилась гордая, довольная улыбка человека, который увидел, что его труды были не напрасны.

— Умница, — сказал он, опуская оружие. — Защита встала, траекторию поймала. Для первого раза это чертовски неплохо. Но запомни: на одних блоках поединок не выиграть. Придется нападать самой.

Девушка опустила руку. Она посмотрела на черный меч матери. На темной стали все так же ровно, успокаивающе пульсировала тонкая серебряная нить. Сейчас она держала его легко, клинок больше не заваливал ее в сторону. Но Кира понимала: впереди были недели изнурительных, выматывающих уроков. Долгие дни, когда руки будут отниматься от усталости, прежде чем эта легкость превратится в смертоносную, холодную точность.

Глава 8

За два месяца Кира умудрилась очаровать весь лагерь. На этой войне, где люди и магические существа разучились улыбаться, она оставалась неизменно вежливой и мягкой. Она часами, с искренним сочувствием выслушивала и бесконечные жалобы старых колдунов, и ворчливые байки гномов. Для каждого в этом обреченном лагере она незаметно стала кем-то родным — дочерью, сестрой, последней чистой надеждой.

Но если в небесах, обращаясь в белоснежную драконицу, она буквально пьянела от восторга, крутя безумные виражи в облаках, то на земле тренировки давались с трудом. В атаке девушка по-прежнему оставалась неуклюжей. Все эти два месяца ей приходилось изнурительно, на самом пределе человеческих и магических сил, держать глухую оборону под градом безжалостных ударов Эдана. Она научилась терпеть боль и закрывать дыры в защите ментальными щитами.

И вот этот день настал. Шестидесят дней пролетели как один затянувшийся кошмар.

Огромное поле, окруженное древними рунными камнями, замерло в тишине. С одной стороны выстроилась армия союза. Эльфы со сверкающими луками, застывшие как ледяные статуи; гномы, до белых костяшек сжимающие топоры; и хмурые, бледные колдуны. На противоположной стороне, затянув горизонт зловещей, живой тучей, приземлилась армия черных драконов. Тысячи чешуйчатых тел, тяжелое, хриплое дыхание с горькой примесью серы и та пугающая уверенность в своей непобедимости, какая бывает только у профессиональных палачей.

Единственная в этом мире белая драконица стояла впереди своего войска. Совсем одна на этой ничейной полосе. На ней был все тот же белоснежный тренировочный костюм, который теперь резко, почти вызывающе выделялся на фоне выжженной, мертвой земли. В руке она сжимала черный меч матери, серебряная нить на котором пульсировала в такт ее рваному пульсу. Сердце бешено колотилось о ребра. Назад дороги не было.

Ровно в полдень, когда солнце встало в самом зените, от черной армии отделилась одна фигура. Молодой, высокий мужчина в глухом черном мундире, расшитом золотом, не спеша пошел к центру поля. Его походка была вальяжной, уверенной, а на красивом лице застыла высокомерная, хищная усмешка человека, который привык брать от жизни все и не платить по счетам. Это был черный король.

Кира сделала глубокий, судорожный вдох, сильнее до боли перехватила кожаную рукоять меча и двинулась ему навстречу. Земля под ногами казалась ватной.

Они сошлись в самом центре поля, ровно на расстоянии вытянутого клинка. Тысячи глаз смотрели на них, но мир сузился до этих нескольких метров выжженной травы.

Драконица подняла глаза, чтобы встретить взгляд своего врага, и вдруг все вокруг перестало существовать. Воздух выбило из легких, а сердце пропустило удар, забившись в чужом ритме.

Кира ошеломленно замерла. Это был ОН. Тот самый, единственный, которого люди безуспешно ищут в толпе всю жизнь, о котором пишут глупые стихи и ради которого ломают судьбы. Без всякой магии, без этих древних предначертанных законов — просто ее сердце, так долго молчавшее на Земле, сделало свой окончательный выбор. Сделало в самый неподходящий, самый страшный момент. Она смотрела на черного короля и понимала, что пропала. Что теперь любая победа над ним будет ее собственным поражением.

А вот у короля не дрогнуло ничего. На его безупречном лице не отразилось ни тени сомнения. В его ядовито-желтых, драконьих глазах не было и капли ответного чувства — лишь

холодное, высокомерное презрение к белой «пичужке», посмевавшейся встать на его пути. Для него она была просто препятствием, которое нужно устранить.

И в этот момент над полем прозвучал оглушительный, хриплый рог, давая сигнал к началу боя. Время иллюзий кончилось.

В ту же секунду мамин черный меч в руке Киры буквально сошел с ума. Серебряная нить на лезвии вспыхнула яростным, чистым фиолетовым пламенем. Оружие, уловив близость врага, ожило. Древняя сталь сама бросилась в атаку. Девушке даже не нужно было вспоминать изнурительные уроки фехтования — клинок сам вел ее тело, нанося молниеносные, сокрушительные удары. Настоящая магия черной королевы наконец проснулась. Оставалось только одно — из всех сил держаться за скользкую рукоять и пытаться контролировать эту безумную, смертоносную инерцию, направляя ее против человека, которого она только что полюбила.

Следующие полчаса превратились в яростный, смертоносный танец. Король защищался как проклятый. Его обсидиановый клинок с визгом высекал снопы искр, но магия двух величайших драконов прошлого, проснувшаяся в черной стали, была неуправляема. Она требовала реванша. На исходе тридцатой минуты Кира, тяжело, со свистом дыша и собрав в кулак остатки упрямой воли, совершила резкий выпад. С трудом, едва не вывихнув запястье, она рванула рукоять на себя и остановила вибрирующее лезвие в миллиметре от его горла.

Меч буквально пел в ее ладонях. Древнее железо требовало крови, горячая рукоять жгла кожу.

Король стоял неподвижно. Его черный, расшитый некогда золотом мундир был рассечен на груди. Он тяжело дышал, глядя на нее в упор с той ледяной, гордой покорностью, с какой смотрят на расстрельную команду. Он не просил пощады. Он просто ждал смерти, потому что в его мире проигравших не оставляли в живых.

Но Кира не могла его убить. Напрягая все силы, борясь с инерцией клинка, она победила жажду крови собственного оружия. С тихим, сиротливым звоном она опустила меч к ногам.

— Бой окончен, — хрипло произнесла она. Голос сорвался.

За ее спиной армия магических народов взорвалась сумасшедшим, ликующим ревом. Люди, эльфы и гномы кричали так, словно этот крик мог вернуть им разрушенные дома. К центру поля уже бежали стражники с тяжелыми железными кандалами, чтобы забрать поверженного тирана.

Но самым удивительным было другое. Колоссальная армия черных драконов сдалась не просто без боя, а с какой-то тихой, глубокой радостью. Огромные черные ящеры шумно выдыхали дым, опускали массивные головы к самой траве и едва ли не аплодировали тяжелыми крыльями. Как оказалось, они изначально были против этой безумной, грязной бойни и уничтожения белых магов. Просто жестокий закон меча и слепая тирания короля не оставляли им выбора. Теперь, когда тиран был повержен по всем правилам, они с облегчением присягнули на верность защите мира. Эдан, понимающе кивнув, со спокойной душой распустил драконов по домам.

Короля увели. Девушка проводила его взглядом, чувствуя, как внутри, вместо триумфа, разрастается огромная, холодная пустота. Она выиграла эту войну для чужого мира, но проиграла что-то очень важное внутри себя.

Вечером в главном шатре снова собрался Великий военный совет. Запах победы уже выветрился, уступив место тяжелому, душному запаху судебных чернил и человеческой злобы. На повестке дня стоял всего один вопрос: что делать с поверженным королем. В шатре стоял ровный, злой гул.

— Казнить! — гремел гномьих вождей, сокрушительно стуча кулаком по столу, отчего подпрыгивали оловянные кубки. — Только плаха! Кровь за кровь! Это единственный закон, который понимают такие, как он!

— Нет, нужен суд, — рассудительно, но как-то слишком холодно возражал эльфийский дипломат. — Изоляция. Нам не нужен мученик для его бывших сторонников. Вечное заключение под землей.

Кира молча сидела во главе стола на почетном месте. Внешне она казалась спокойной, застывшей, как фарфоровая кукла. Но внутри все горело. Ее разрывали на части противоположные, безумные чувства. Бешеная, необъяснимая тяга к этому человеку, чьи глаза она не могла забыть, боролась с трезвым, ледяным пониманием: он — чудовище, умывшее этот мир кровью, убийца.

— Леди, — Эдан коснулся ее плеча, заметив мертвенную бледность на ее лице. — Что скажешь ты? Твое слово решающее.

Все замолчали. Гул прекратился так резко, словно в шатре кончился воздух. Девушка с трудом сглотнула горький, сухой комок в горле. Говорить было невыносимо тяжело, слова весили тонны.

— Я против казни, — произнесла она.

Старейшина колдунов согласно кивнул, поглаживая длинную седую бороду.

— Хорошо, — произнес старик. — На правах высшего суда союза мы выносим вердикт. Он будет лишен короны и отправлен в вечное изгнание. В Пустыню Смерти. Туда, откуда нет возврата.

При упоминании Пустыни Смерти сердце Киры болезненно сжалось, словно в него загнали осколок льда. Круг замкнулся. Та самая пустыня, которая забрала ее родителей, теперь должна была забрать его. Она понимала, что это решение — справедливое, самое милосердное из всех возможных. Но мысль о том, что тот, кого она так внезапно, глупо и безответно полюбила, будет медленно угасать в проклятых песках, превращаясь в тень под палящим солнцем, причиняла ей почти физическую боль.

Глава 9

На следующее утро свергнутого короля увели. Конвой был слишком плотным для одного дракона, потерявшего все. Его просто толкнули в фиолетовое сияние портала, за которым началась мертвая, серая пустыня.

Кира не пошла смотреть. Она сидела в углу палатки, обняв колени. Внутри у нее копошилась глупая, жалкая тоска по человеку, который ушел, даже не обернувшись. Да и зачем ему оборачиваться? Для него она была просто последней точкой в проигранной войне.

В полдень тишина лопнула. По лагерю кто-то бежал — тяжело, с надрывом, как бегут только вестники плохих новостей.

Полог палатки рванули. Вошел Эдан. Он тяжело дышал, со свистом выталкивая воздух из легких, а по его лицу тек пот. За его спиной, точно нашкодившие псы, жались трое королевских советников. Вчера эти господа решали, кому жить, а кому умирать.

— Собирайся, Кира, — хрипло сказал Эдан и вытер лоб рукавом. — Эти чешуйчатые заговорили. Король не убивал белых драконов.

Девушка поднялась. Медленно, словно внутри нее что-то треснуло. Рука задела столик, вино из опрокинутого кубка темной лужей поползло по дереву, напоминая кровь.

— Что? — голос предал ее, превратившись в сухой шепот.

Мир вокруг не перевернулся — он просто стал еще циничнее, чем прежде.

Один из советников, шмыгая носом и стараясь не смотреть на Эдана, завел привычную шарманку палачей, попавших в плен:

— Клянемся небом, леди. Кровью клянемся, это правда. Его Величество... он, конечно, был упрямым и тщеславным дураком, но он не мясник. Он нашел пещеру в Дальних горах. Там мертвый камень, он высасывает всю магию, оставляя только голых, беспомощных людей. Он просто запер их там. Хитростью загнал весь белый род за тяжелые плиты.

— И что с ними? — Кира сделала шаг вперед. Сердце толкнулось в ребра — быстро, неровно, как птица в тесной клетке. В горле сразу пересохло, словно она наглоталась пыли с большой дороги. — Они живы? Ну же! Они в порядке?

— Нормально все с ними! Живы они, клянусь вам, — запричитал второй советник. Он судорожно тер рукавом бледный, лоснящийся от страха лоб. — Туда регулярно возили обозы. Под строжайшим секретом, разумеется. Лучший провиант, хорошее вино, ткани, мебель, даже книги... У них там было все. Полное обеспечение, тепло, уют. Комфорт, понимаете? Только без магии. И без возможности выйти наружу. Он просто хотел убрать их с доски. Но он не убийца, леди. Кровь он не проливал.

Кира опустилась обратно на диван. В груди словно лопнул обруч. Железный, ржавый обруч, который сдавливал легкие, не позволяя вздохнуть.

Конечно, он оставался преступником. Он развязал эту войну и заслужил свой билет — туда, в раскаленный песок Пустыни Смерти.

Но то, что человек, о котором она думала по ночам вопреки всякой логике и здравому смыслу, все-таки не был палачом и хладнокровным мясником... Это принесло ошеломляющее облегчение. Тяжелый, грязный стыд за то, что она чувствовала к нему, наконец отступил, растворился в полуденном воздухе.

К Дальним горам они вылетели через пять минут.

Когда отодвинули тяжелые плиты запечатанной пещеры, оттуда потянуло сыростью и залежалым воздухом долгого плена.

Узники выходили, шурясь от яркого дневного света. Но стоило первому из них — высокому, изможденному белому дракону — переступить невидимую границу пещеры, магия вернулась. По его коже пробежали серебряные искры, воздух вокруг зазвенел, и через мгновение над камнями с сухим треском развернулись огромные, ослепительно белые крылья.

Это была внезапная, оглушительная радость. Драконы, минуту назад казавшиеся изломанными пленниками, на глазах сбрасывали с себя немощь. Они кричали от восторга, их голоса срывались, они со смехом закидывали головы к солнцу. Один за другим они взмывали ввысь, словно пытались догнать потерянные дни. Небо над горами закипело от взмахов сотен белых крыльев. Это был хаос из чистой, вернувшейся к ним жизни.

Старик, летевший во главе их клина, на минуту опустился рядом с Кирой на скалу. Его чешуя отливала чистой платиной, но в глазах еще стояли слезы.

— Спасибо, девочка, — выдохнул он. От его дыхания пахло озоном и весенней грозой. — Мы думали, что похоронены заживо. Нам говорили, что снаружи ничего не осталось.

Вечером до лагеря докатились новости: вернулась магия белых драконов. На площадях разливали дешевое вино, и люди пили, пытаясь утопить в нем прежний страх. Эльфы, гномы, колдуны — все радовались этому чуду. А вверху, над этой суетой, небо окрашивалось зелеными и красными вспышками салютов, безжалостно затмевая далекий, чистый и холодный свет звезд.

Девушка смотрела на салют и старалась радоваться.

— Слышишь, как они шумят? — негромко спросил дядя, выпуская колечко дыма. — Ликуют. Празднуют мир.

— Да, — ответила Кира, глядя на разноцветные вспышки.

На душе у нее было удивительно трезво и тихо. Драконы были свободны. В небе снова кружил белый род, возвращая миру его прежние краски. Это было хорошее, правильное чувство. Но где-то там, далеко за горизонтом, черный король сейчас шел один среди раскаленных дюн Пустыни Смерти. А мир просто продолжал вертеться дальше — заново обретший крылья, шумный, праздничный и совершенно равнодушный ко всему, что осталось позади.

Но всему приходит конец. Спустя неделю шум утих. Праздник догорел и остыл, как костер, в который больше некому бросить дров. Расы начали сворачивать лагерь. Эльфы потянулись обратно к своим вековым лесам, гномы — к привычной темноте надежных шахт. Спасенные белые драконы один за другим поднимались на крыло, возвращаясь к родовым замкам. Огромное поле возле рунных камней пустело. Земля, истоптанная тысячами ног, снова затихала, погружаясь в привычную, серую меланхолию.

Только одна белая драконица стояла на самом краю поля. Она провожала глазами последний уходящий отряд. Все возвращались к своим теплым очагам. Вот только у нее самой дома больше не было.

Его не было на Земле, где осталась прошлая, понятная жизнь, душные конторы и ипотека. Но его не было и здесь, в этом чужом, слишком ярком мире. Ее сердце осталось лежать на самом дне Пустыни Смерти. Там, где ветер гонял раскаленный песок. Вместе с королем, который, как теперь выяснилось, был кем угодно — упрямым дураком, амбициозным узурпатором, получившим свой трибунал, — но только не безжалостным палачом.

От этого понимания становилось только хуже. Вместе с вечерним туманом на поле опускалось одиночество — глухое, неизбежное. Идти было совершенно некуда.

Глава 10

Вся четверка черных драконов во главе с Эданом наотрез отказалась покидать Киру. Пока весь остальной мир пил и праздновал, они оставались рядом — верные, молчаливые, ставшие ее личной гвардией и той единственной поддержкой, которая не дает сойти с ума, когда вокруг рушится старая жизнь.

Как только белые драконы немного пришли в себя после пещеры и восстановили силы, девушку официально вызвали на совет в Город Белых Драконов. Это был величественный, холодный мегаполис из парящего мрамора, соединенный хрупкими радужными мостами. В грандиозном амфитеатре под открытым небом ее ждала вся элита мироздания: правители эльфов, гномов, верховные колдуны и новый, только что избранный по закону меча правитель Города Черных Драконов — мужчина с жестким лицом, который теперь пытался собрать по кусочкам то, что разрушил его предшественник.

Эдан шел на полшага позади Киры, его сапоги привычно хрустели по мраморным плитам. Он тихо, вполголоса вводил ее в курс местной геополитики, которая веками работала здесь как старые, надежные швейцарские часы.

— Наш мир разделен на сектора, — шел за плечом его неторопливый шепот. — В каждой области живет один белый дракон. Ну, или пара, если они нашли друг друга. Плюс их личный отряд. Если из иного мира прорываются чужаки, этот отряд первым держит оборону и закрывает портал. Драконы из соседних секторов прилетают позже, если нужна поддержка. Белые держат купол защиты, черные выжигают врага, а потом белые запечатывают разлом. При таком плане у нас веками почти не было жертв. Мы жили спокойно. Пока наш бывший король не сломал эту систему ради своих амбиций.

Они вышли на середину огромной площади. В самом центре амфитеатра старейшины магов торжественно склонили головы. Все смотрели на нее — на девушку в белом, которая вернула им небо.

— Леди, — взял слово верховный колдун. В его сухом, скрипучем голосе прозвучали торжественные ноты, которые обычно берегут для похорон или коронаций. — Ты — сильнейший маг этого мира, соединивший в себе мощь двух великих драконов. Ты вернула нам солнце и покой. Мы просим тебя занять пустующий трон Белых Драконов и стать нашей королевой.

Кира, одетая в свое неизменное белоснежное кожаное платье, мягко, но решительно покачала головой. Быть королевой, сидеть под балдахином и увязнуть в бесконечной, удушливой бюрократии чужого мира в ее планы не входило.

— Спасибо, — вежливо ответила она. Голос ее разнесся под куполом амфитеатра, спокойный и трезвый. — Но я отказываюсь от трона. Управлять государством — это отдельная профессия, а я предпочитаю практику. Настоящую жизнь. Думаю, вы прекрасно справитесь и с выборным правителем.

Совет ошеломленно замолчал. В воздухе повисла та неловкая тишина, какая бывает, когда нищий отказывается от протянутого золотого. Но уже через мгновение эльфийские и гномьи владыки незаметно переглянулись с явным облегчением. Они были политиками до мозга костей и больше всего на свете боялись появления слишком сильного, абсолютного монарха, который мог бы диктовать им свои условия.

— Что ж, — после недолгих, тихих совещаний объявил верховный колдун. Он выглядел растерянным, но быстро взял себя в руки. — Раз ты отказываешься от короны, Великий совет присуждает тебе уникальный, высший титул — Принцесса Белого Дракона, Спасительница

Мира. Отныне этот статус дает тебе право вето. Ты можешь оспорить и отменить любое решение любого правителя во всех расах, если сочтешь его угрозой для безопасности этого мира.

Девушка удивленно приподняла бровь. *«Ого, — подумала она, и на ее губах появилась едва заметная, ироничная усмешка. — Это же должность генерального инспектора всей планеты. Свобода движений и никакой ответственности за сбор налогов. Намного лучше, чем сидеть привязанной к одному трону».*

— И, разумеется, тебе выделяется личная область ответственности, — добавил новый правитель черных драконов. Он уважительно, по-военному кивнул ей. — Самый сложный, нестабильный сектор на северо-западной границе. Там чаще всего случаются тектонические и межпространственные сдвиги. Защищай его, Принцесса.

Через два дня над полем у рунных камней поднялся отряд. Вместе с Принцессой Белого Дракона и четверкой ее первых друзей в прохладное утреннее небо взмыли еще пятьдесят черных драконов. Весь этот грозный, чешуйчатый ансамбль добровольно вызвался служить под началом Киры.

Драконица летела во главе клина, снова пьянея от резкого встречного ветра и безграничного синего простора. Справа от нее, тяжело и мощно взмахивая крыльями, летел исполинский черный Эдан.

— Ну что, Принцесса! — раздался веселый, грохочущий голос дяди прямо в ее голове. — Летим в наши новые владения! Там, кстати, отличный замок на скале. Старая, надежная кладка. Правда, предыдущий хозяин немного запустил сад, но гномы обещали помочь с ремонтом.

Кира сделала крутую, безумную петлю в воздухе, наслаждаясь каждым мгновением этого полета. Она нашла свое небо, свою дикую силу и свою преданную, верную стаю.

Но где-то глубоко внутри, под ослепительно белой чешуей, все еще тлела болезненная лучина ее любви. Огонь, который невозможно было потушить ветром.

Каждый раз, когда ее взгляд падал на далекий, туманный горизонт — туда, где за Дальними горами раскинулась безжизненная, окутанная фиолетовым маревом Пустыня Смерти, — ее сердце пропускало тяжелый удар. Она знала, что ее личная война еще не окончена. Как Спасительница Мира и обладательница права вето, рано или поздно она использует свой новый титул. Она вернется в этот амфитеатр. Она заставит судей перепроверить дело свергнутого короля.

Но это будет потом. Когда-нибудь позже, когда утихнут последние отголоски прошедшей бури. А сейчас ее ждал ее собственный сектор, ее бескрайнее небо и ее новая, совершенно неизведанная жизнь, в которой все-таки оставалось место для надежды.

Глава 11

В каждом секторе этого мира, включая новый округ Киры, помимо драконов раскинулось свое королевство людей. Там был свой монарх, свои законы и свои маленькие трагедии. Эти правители беспрекословно подчинялись белым драконам, когда дело касалось глобальной безопасности или чужих вторжений, но в остальное время рулили своими народами по собственному, порой весьма циничному усмотрению.

Выделенный принцессе замок на высокой скале ей безумно понравился. Гномы навели здесь уют, прочистили и починили огромные каменные камины, от которых пахло сухими дровами и живым теплом. Эльфы поработали в запущенном саду, разбив среди серых камней красивые, нежные клумбы.

Девушка, со свойственным ей дружелюбием, быстро очаровала всю прислугу и местных жителей. Ее вежливость открывала любые двери — в мире, привыкшем к приказам и звону стали, обычное человеческое «спасибо» ценилось дороже золота.

Жизнь постепенно вошла в четкий график. Это спасало от лишних мыслей. Когда у тебя есть расписание, легче притворяться, что все в порядке.

Каждое утро начиналось на тренировочной площадке, засыпанной мелким гравием. Кира в своем белоснежном кожаном костюме до седьмого пота укрощала мамин черный меч. Наставником по-прежнему оставался Эдан — чуткий, но безжалостный.

— Запястье жестче, Принцесса! — кричал дядя, легко уворачиваясь от очередной фиолетовой вспышки, с треском сорвавшейся с маминого клинка. — Сталь не прощает вялости. Меч должен слушать твою волю, а не твое сострадание!

— Эдан, если я еще раз махну им мимо твоей головы, мое сострадание закончится прямо на тебе! — отдувалась девушка, тяжело дыша и вытирая тыльной стороной ладони липкий пот со лба.

Оружие постепенно сдавало позиции. Древняя черная сталь слушалась все лучше, словно понимая, что этой девочке мамины уроки нужны не для красивых парадов, а для чего-то гораздо более важного.

Зато ровно в полдень наступал личный час. Час, ради которого она, казалось, и проживала весь остальной день. Принцесса оборачивалась белоснежной драконицей и улетала туда, где мирный зеленый пейзаж обрывался и горизонт тонул в зловещем фиолетовом мареве.

Она закладывала крутой вираж над самой кромкой Пустыни Смерти. Всего один взгляд вниз. Один короткий, пронзительный миг, от которого перехватывало дыхание. Там, среди бескрайних, раскаленных песков, она видела одинокую темную фигуру свергнутого короля. Он никогда не поднимал головы к небу. А она, сделав прощальный круг, улетала обратно к своей скале, унося в сердце тупую, щемящую тоску. Кира познавала это бескрайнее небо, пьянела от его высоты и свободы, но небо без него все равно оставалось пустым. Любовь — это когда весь мир вокруг может быть спасен и прекрасен, но тебе не хватает всего одного человека, чтобы это заметить.

В остальное время девушка изучала свою новую территорию в человеческом облике. Но то, что она увидела в королевстве людей, быстро вернуло ее с небес на землю.

Здесьняя политика была слабой и гнилой. Законы оказались вопиюще несправедливыми к простым людям, а всей страной открыто заправляли обнаглевшие придворные чиновники. Они воровали, обирали крестьян и думали, что Принцесса Драконов слишком высоко летает, чтобы заметить их земные дела. Они просто еще не знали, что эта девочка прибыла из мира, где умеют считать каждую копейку и не прощают чиновничьего хамства.

Местный человеческий король не был глупым или злым. Он был просто слаб волей, мягок и погребен под ворохом лживых, прилизанных докладов своих министров.

— Ваше Величество, — мягко, почти вкрадчиво произнесла Кира.

Она появилась на заседании малого королевского совета внезапно, словно весенняя гроза. За спиной застыл хмурый Эдан. А в огромные стрельчатые окна тронного зала, забавно щурясь от солнца, скромно заглядывала парочка исполинских черных драконов. В воздухе сразу запахло озоном и чешуей.

— Я тут на досуге изучила налоговые отчеты вашей казны за прошлый квартал, — принцесса положила на полированный стол стопку затрепанных бумаг. — Скажите, а почему ремонт одной королевской конюшни в столице обошелся в сумму, равную годовому бюджету трех приграничных деревень? Там кони едят из золотых ведер или подковы выкованы из небесного серебра?

Главный казначей — жирный, лоснящийся мужчина в бархатном камзоле — покрылся пятнами. Он попытался вжаться в кресло и спрятаться за широкую мантию соседа.

— Это... это представительские расходы, Принцесса Белого Дракона! — заикаясь и сглатывая слюну, пискнул он. Голос его прозвучал тонко и жалко. — Традиции двора, протокол...

— Представительские расходы упраздняются, — вежливо, но холодно улыбнулась девушка. — Вместе с вашей должностью. И, пожалуй, вместе с вами.

Она повернулась к своему спутнику:

— Эдан, будь добр, помоги уважаемым бездельникам найти выход из замка. И проследи, пожалуйста, чтобы они на прощание случайно не унесли в карманах государственное серебро. Им предстоит долгая пешая прогулка до приграничных деревень. Посмотрят, как люди живут без представительских расходов.

Король ошеломленно молчал, министры бледнели, а за окном довольно заурчал один из черных драконов, обдав стекла облачком теплого пара.

Жадную свору придворных лоботрясов с выставили за ворота замка. Король людей сначала испугался, растерянно глядя на пустые кресла совета, но вскоре с облегчением выдохнул. Он искренне поблагодарил принцессу за наведение порядка. Жить без лживых докладов министров оказалось намного проще.

Однако Кира хорошо понимала: разогнать старых воров — это лишь половина дела. Чтобы управлять сектором в этом хаосе, нужно контролировать информацию. И она — тихонечко, набивая шишки, путаясь в бесконечных местных именах и на ходу исправляя собственные промахи, — начала создавать свою агентскую сеть.

Поначалу все выходило комично, до слез. Ее первые тайные агенты — излишне исполнительные эльфы — подошли к делу с поэтическим размахом. Они пытались следить за подозреваемыми на городских рынках, левитируя прямо над их головами в ярких, изумрудно-зеленых плащах.

— Леголас комнатный, — вздыхала девушка, массируя виски после очередного провального отчета. — Послушайте меня, шпионаж — это когда тебя *не видно*. Физически не видно. Попробуйте нанять обычных городских сплетниц, трактирщиков и прачек. Людей, которые растворяются в толпе. И платите им серебром, а не вашими прекрасными эльфийскими песнями о вечности.

Постепенно, шаг за шагом, дело пошло. Кира выстроила невидимую информационную паутину по всему сектору. Теперь она всегда, каждую секунду знала, где назревает заговор, в каком кабаке чиновник берет взятку. Она всегда была готова вмешаться лично.

Ее уважали за честность, ее до дрожи боялись казнокрады, ее искренне обожали простые люди. Из растерянной земной девушки она незаметно превратилась в идеальную, мудрую правительницу.

Но каждый день, ровно в полдень, когда солнце вставало в зените, Принцесса Белого Дракона неизменно бросала все государственные дела, карты и отчеты. Она выходила на край высокой скалы, расправляла белоснежные крылья и улетала к границе проклятых песков. Тайная страсть к изгнанному тирану продолжала сжигать Киру. Весь мир лежал у ее ног, готовый повиноваться любому приказу, но этот мир оставался для нее лишь декорацией. Потому что единственный мужчина, чей взгляд заставлял сердце биться, был заперт в фиолетовом аду Пустыни Смерти.

Глава 12

Благодаря своей шпионской сети Кира вскоре заметила странную, пугающую аномалию: в ее сектор потянулся нескончаемый, молчаливый поток беженцев — людей и эльфов из далеких земель. Они приходили изможденными, испуганными, с серыми от пыли лицами и прятали глаза в землю при виде любого ящера в небе.

Принцесса начала расследование. Результаты, принесенные осведомителями-трактирщиками вместе с грязными слухами с постоянных дворов, заставили ее вежливую улыбку погаснуть.

Выяснилось, что всего через два сектора царит та свобода нравов, которая всегда наступает, когда у людей с оружием сдают тормоза. Местный белый дракон, поставленный защищать границы и быть совестью своего края, поддался искушению абсолютной власти. Вместе со своим отрядом черных драконов они превратили вверенное им человеческое королевство в личный, сытый курорт. Они творили, что хотели: забирали лучших женщин, подчистую опустошали винные погреба, отбирали последние драгоценности и без суда казнили любого, кто смел просто поднять голову и посмотреть им в глаза.

— Я не верю отчетам на бумаге, — холодно сказала Кира на утреннем сборе. В ее глазах, обычно таких мягких, сейчас застыл тот самый лед, который Эдан когда-то видел у ее отца перед финальным боем. — Мы идем туда. Впятером. В человеческом облики. Без шума.

Переодевшись в скромные дорожные плащи, принцесса и четверка черных драконов тайно пересекли границу сопредельного сектора. То, что открылось их глазам, было похоже на страшную, мрачную сказку, которую рассказывают на ночь, чтобы дети боялись темноты. некогда процветающие, шумные города людей превратились в запуганные, вымершие трущобы. Жизнь здесь замерла, спрятавшись за плотно заколоченными ставнями.

Прямо посреди дня по главной улице столицы развязной, пьяной походкой шагали драконы в расстегнутых камзолах. Победители, которым наскучил покой. Один из них, крупный черноволосый детина с наглым лицом, бесцеремонно схватил за руку испуганную дочку местного пекаря. Ухмыляясь, он швырнул под ноги ее бледной матери горсть монет. Деньги со звоном покатались по грязной мостовой.

— Эй, красавица, сегодня ты пьешь вино в замке, — заржал он, обдавая замершую от ужаса девушку тяжелым перегаром.

Кира почувствовала, как внутри нее просыпается ярость такой бешеной силы, какую она еще никогда в себе не носила. Мамин черный меч на ее поясе, уловив это движение души, угрожающе зазвенел под тканью плаща. В этот миг она готова была превратить всю эту улицу в пепел.

Она сделала шаг вперед, но Эдан придержал ее за плечо.

— Стоп. Сначала закон, — тихо, на самой грани слуха шепнул дядя. Его лицо в этот момент напоминало обтесанный гранитный валун. — Не устраивай потасовку в переулке. Помни про свой титул. Нам нужен их вожак. Законное право вето бьет сильнее меча. Потерпи.

Девушка заставила себя остановиться.

В тот же вечер Принцесса Белого Дракона, Спасительница Мира вошла в тронный зал оскверненного замка. Там шел пир — шумный, грязный, пахнувший пролитым вином и дешевым триумфом. Местный белый дракон — обрюзгший, преждевременно постаревший мужчина с мутными, пьяными глазами — лениво возлежал на шелковых подушках. Он был окружен чужими напуганными женами и горами награбленного золота.

— Кто впустил оборванцев? — процедил он, даже не поднимаясь и пригубив тяжелый кубок.

Кира одним движением скинула дорожный плащ. Она осталась в своем белом кожаном костюме, который в полумраке зала казался судейской мантией. Следом за ней сбросили маски четверо ее стражей во главе с Эданом. По залу пронесся испуганный, мертвенный шепот — Принцессу и ее гвардию знали все. Смех смолк, кубки застыли в воздухе.

— Добрый вечер, — вежливо произнесла девушка, хотя ее фиолетовые глаза горели тем опасным огнем, который просыпается перед схваткой. — Я здесь по вопросам защиты прав потребителей ваших... услуг. Пользуясь титулом Спасительницы Мира и своим законным правом вето, я объявляю это заседание закрытым. А вас всех — арестованными. За мародерство и предательство собственной крови.

— Ты не имеешь права! Это мой сектор! Моя земля! — взвился местный белый дракон, опрокидывая подушки.

Но он тут же рухнул обратно, тяжело хрипя и вдавливаясь в каменный пол под давлением магии Киры. Воздух в зале стал тяжелым, как свинец.

Вся зажавшаяся, потерявшая стыд банда в цепях была доставлена на Великий трибунал магических рас. Принцесса лично выступала обвинителем. Она не произносила пафосных речей, а просто предоставила такие четкие, системные и неопровержимые доказательства, собранные ее агентской сетью, что совету оставалось только выносить приговоры.

Виновных драконов лишили всех титулов, земель и вековых привилегий. Их обязали выплатить пострадавшим людям компенсации до последнего золотого. Опозоренных, сломленных ящеров отправили на исправительные работы на самые дальние гномьи рудники — добывать руду в темноте, под землей.

Сидя вечером в своем замке, она крутила в руках бокал с прохладным ягодным соком и хмуро, не мигая, смотрела на расстеленную на столе карту мира. За окном шумел равнодушный ветер.

— Дядя, — негромко обратилась она к Эдану, не отрывая взгляда от нарисованных границ секторов. — Если такое происходило всего в двух секторах от нас, а Великий совет ни черта не знал, значит, вся их система контроля полностью неэффективна. Это не порядок. Это иллюзия.

— И что ты предлагаешь? — Эдан присел на край стола. В его голосе проснулось любопытство старого война.

— Я пускаю свою сеть по всему миру, — твердо, без тени сомнения заявила Кира. — Каждое человеческое королевство, каждый драконий сектор, каждая эльфийская роща. Мои прачки, трактирщики, конюхи и нищие будут везде. Я хочу знать, о чем шепчется каждый зажавшийся министр за закрытыми дверями и как дышит каждый дракон в небе.

Эдан удивленно округлил глаза, несколько секунд молча переваривал услышанное, а затем весело, раскатисто расхохотался. Это был смех человека, который умеет ценить хороший, масштабный план.

— Боги, Кира... — он покачал головой. — Ты пришла из тихого мира без капли магии, но строишь здесь такое тотальное министерство безопасности, какого эти земли не видели со времен сотворения. Черный король, сидя в своей проклятой пустыне, наверное, прямо сейчас икнул от твоего размаха. Он-то думал, что это он здесь завоеватель.

При упоминании короля Кира на секунду замерла. Сердце привычно и больно пропустило удар, а пальцы крепче сжали стекло бокала. Ее взгляд скользнул к окну, за которым в ночном мареве дрожал далекий горизонт.

Глава 13

Мирный график Киры взорвался в три часа ночи. Над замком, разрезая глухую тьму, протяжно и жутко взвыли рунные сигнальные камни. Северо-западная граница ее сектора трещала по всем швам. Прорыв, которого все так боялись, начался без предупреждения.

Всего через пятнадцать минут мощный клин из пятидесяти черных драконов во главе с ослепительно белой Принцессой уже мчался сквозь рваные ночные облака к месту разлома. А на земле, поднимая тучи сухой пыли, наперерез врагу неслась человеческая армия местного короля.

В небе над холмами, пульсируя и изрыгая мрак, разверзлась уродливая, сочащаяся ядовито-зеленым светом пространственная щель. Из нее с омерзительным, склизким звуком лавиной лезли чужаки. Это были огромные, многоглазые твари, закованные в тяжелые хитиновые доспехи, с длинными шипастыми бивнями и жуткими, холодными, мыслящими глазами. Настоящая саранча из темных глубин космоса.

— Внимание всей стае! — раздался четкий, спокойный голос Киры прямо в головах черных драконов. Этот тон она переняла у пилотов гражданской авиации на Земле, которые не имеют права на панику, даже когда отказывают оба двигателя. — Работаем по старой схеме, но с моими корректировками.

Она раскинула огромные белоснежные крылья, ловя потоки ледяного ночного воздуха. Из ее лап вырвался сияющий купол фиолетово-белой магии. Сила отца и матери, соединенная в одно целое, накрыла черных драконов, надежно защищая их от летящих сверху ядовитых плевков и ментальных ударов тварей.

— В бой! — взревел в общей ментальной сети Эдан.

Черные драконы с яростным ревом ринулись в самое пекло. Они пикировали сквозь ее купол, выжигая чудовищ сплошными потоками очищающего пламени. Началась жестокая, но на этот раз правильная, слаженная война, где каждый наконец-то был на своем месте.

Но принцесса не собиралась отсиживаться в тылу.

Она камнем, сложив белоснежные крылья, бросилась вниз — в самую гущу летающих монстров. Прямо на лету, преодолевая сопротивление воздуха, Кира обернулась в человеческую форму. Белый кожаный костюм туго обтянул тело. Одной рукой она выхватила мамин черный меч. Серебряная нить на лезвии вспыхнула таким яростным, слепящим светом, что ближайшие твари на мгновение ослепли, застрекотав от боли.

— Ну привет, нелегальные мигранты! — сквозь зубы бросила девушка.

Она изящно, в последний миг увернулась от зазубренных когтей огромного инсектоида. Мамин меч перестал быть чужим куском железа. Он пел. Древняя сталь звенела в ее руках, как настроенная струна. Кира крутилась волчком, нанося молниеносные, безжалостные удары. Оружие больше не казалось упрямым — оно резало прочнейший хитин чудовищ легко, как теплое масло.

Эдан, с ревом пролетавший мимо в облике массивного черного ящера, едва не подавился собственным пламенем. Он ошеломленно замер на секунду, увидев, как его племянница одним безупречным пируэтом сносит голову трехметровому монстру. Оказывается, глухая защита, которую они долбили неделями, была лишь прочным фундаментом для этой яростной атаки.

— Кира, щит на землю! — рявкнул дядя в ментальной сети. В его голосе звенел редкий для старого воина страх. — Человеческая пехота не справляется! Нас зажимают!

Кира мазнула быстрым взглядом вниз. Там, на залитом темной кровью поле, человеческая армия отважно добивала прорвавшихся гадов. Но твари, пользуясь численным преимуществом, уже начали зажимать солдат в плотное, смертоносное кольцо. Сверху на щиты людей летели струи едкой кислоты, выжигая доспехи. Слабый волей, но честный и храбрый король

людей лично, по колено в грязи, махал мечом в первых рядах. Он хрипел, теряя бойцов одного за другим, но не отступал ни на шаг.

Девушка зашипела от напряжения, чувствуя, как магия начинает буквально плавить вены изнутри. Удерживать колоссальный купол защиты над летающими драконами в небе, самой рубить монстров на лету и одновременно спасать пехоту на земле — это было далеко за гранью возможностей любого, даже самого сильного белого мага. Это была верная смерть от истощения сил. Но в ней жила не только светлая магия отца. В ее крови, согревая тело в этот ледяной ночной час, билась дикая, упрямая сила матери — величайшей черной воительницы этого мира. Сила, которая никогда не отступала и умела драться до самого последнего вздоха.

Она зависла в воздухе. Меч был зажат в левой руке, а правую она упрямо, до хруста в суставах, протянула вниз, к земле.

— Стоять! — приказала она самому пространству. Голос ее, усиленный драконьей магией, прозвучал над холмами как раскат грома.

Из ее ладони вырвалась ослепительная фиолетовая волна, тяжелая и плотная, как грозовой фронт. Прямо над головами измученных человеческих солдат соткался гигантский, непробиваемый зеркальный купол. Ядовитая кислота чудовищ бессильно зашипела, стекая по этому магическому стеклу и не причиняя людям вреда. Человеческие воины ошеломленно замерли, на секунду опустив щиты и глядя вверх, на свою белую защитницу, зависшую в ночном небе.

— Ваше Величество! — крикнула Кира королю людей сверху. В этот же миг она умудрилась резким пинком отшвырнуть подлетевшую к ней сзади крылатую тварь. — Под куполом безопасно! Перестраивайте кавалерию во фланг и бейте их, пока они тупят о мою защиту! Не теряйте времени!

— Слушаюсь, Принцесса! — воодушевленно, во всю глотку проорал в ответ король. На его грязном лице впервые за ночь появилась отчаянная улыбка победителя. Он взмахнул мечом, увлекая людей за собой. — В атаку! Вперед!

Бой продолжался. Но теперь это была уже не бойня, а планомерное уничтожение. Благодаря двойному куполу Киры, который она удерживала из последних сил, союзная армия на земле не потеряла больше ни одного человека. А черные драконы в небе методично истребляли дезориентированных, зажатых со всех сторон монстров.

Наконец, когда на поле остались лишь кучи мертвого хитина, белая драконица тяжело взмыла к самой пространственной трещине, сочащейся зеленым ядом. Силы были на исходе, в глазах темнело, но она знала: если не закрыть дверь сейчас, завтра все повторится. Она собрала всю отцовскую магию неба в один кулак, заставив вены гореть белым огнем, и с яростным, чистым криком вонзила мамин черный меч в самый центр разлома.

Фиолетово-белая вспышка на миг превратила ночь в ослепительный день, озарив испуганные холмы. Пространственная щель со звуком схлопывающегося вакуума исчезла навсегда, оставив лишь легкий запах озона и мяты.

На поле воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым, хриплым дыханием сотен бойцов. Чудовища были уничтожены до единого. Мир выстоял.

Кира опустила на траву. Руки дрожали так сильно, что она едва не выронила меч. К ней уже бежал Эдан, на ходу принимая человеческий облик, но она не смотрела на него. Она смотрела на чистое, затихающее ночное небо.

— Боги, Кира! Это было невероятно! Держать два щита такого радиуса и одновременно шинковать врагов в капусту? Твоя мама сейчас на небесах гордо пьет лучшее эльфийское вино, я уверен! Она бы оценила этот фокус.

Человеческий король подошел ближе. Мундир его был разорван, но в глазах горела жизнь.

— Спасительница... У нас ни одного погибшего. Только раненые.

Кира мягко улыбнулась ему. Из последних сил она заставила себя держать спину ровно и спрятала дрожащие ладони в карманы куртки, чтобы никто не видел ее слабости.

Но когда бойцы начали собирать трофеи и разводить первые костры, принцесса отошла к краю обрыва. Она смотрела вдаль, туда, где небо медленно светлело, окрашиваясь в холодные утренние тона. Приближался полдень. По ее лицу, смешиваясь с копотью и грязью, покатились одинокая, горячая слеза.

Она только что защитила этот мир. Она доказала свою невероятную силу. Ее боготворили солдаты, ее имя кричали сотни глоток. Но посреди этого ликования мысли о короле в Пустыне давили еще сильнее, чем прежде.

Глава 14

Сто лет для драконов пролетели как один затянувшийся рабочий полдень. Внешне Кира совсем не изменилась — все та же милая и вежливая девушка в ослепительно белом кожаном костюме. Разве что мамин черный меч теперь слушался ее безукоризненно, став продолжением ее мыслей, а агентская сеть разрослась до масштабов, которым позавидовала бы любая земная спецслужба. Разломы в ее секторе теперь захлопывались быстрее, чем чужеродные твари успевали сообразить, куда они вообще попали. Порядок на ее земле был идеальным.

График ее жизни оставался незыблемым. И главным, неприкосновенным пунктом в нем по-прежнему был полдень. Каждые день в двенадцать часов белая драконица зависала в потоках ледяного воздуха над фиолетовой кромкой Пустыни Смерти. Целый век она видела там одну и ту же далекую, гордую черную фигуру. Сто лет безответной, тихой и глубокой любви, о которой никто не должен был знать. Любви, которая стала ее единственным якорем в этом мире.

Но в один роковой день Кира, как обычно, прилетела на границу, зависла над обрывом и не увидела его.

Пески были пусты. До самого горизонта простиралось лишь мертвое фиолетовое море, и ветер лениво гнал колючие пыльные волны. Его нигде не было.

Внутри девушки вспыхнула дикая, леденящая паника, от которой перехватило дыхание. Драконье сердце завывало от первобытного ужаса: погиб? Исчез? Сдался проклятым пескам? Она с трудом сдержала бурю магии, готовую сорваться с ее пальцев и разнести приграничные скалы в пыль. Принцесса заставила себя закрыть глаза, сделать глубокий вздох и включила разум.

Через три часа в Городе Белых Драконов экстренно собрался Великий совет. Правители эльфов, гномов, людей и новый вождь черных драконов сидели за круглым столом, ошеломленные и встревоженные этим внезапным вызовом. Они отвыкли от тревог за этот мирный век. Кира стояла перед ними — бледная, застывшая, но собранная. За ее спиной, как четыре каменных изваяния, замерла ее верная гвардия во главе с Эданом.

— Принцесса Кира, что случилось? Опять крупный прорыв? На границах снова неспокойно? — встревоженно спросил старейшина колдунов, подаваясь вперед и поправляя тяжелую мантию.

— Хуже, — вежливо, но с леденящей сталью в голосе ответила Кира.

Она одним уверенным движением выложила на полированный мраморный стол толстенную стопку исписанных бумаг и мерцающих фиолетовым светом магических кристаллов. Вся ее столетняя шпионская работа, все отчеты и юридические нюансы двух миров лежали здесь.

— Случилась ошибка, которую мы обязаны исправить прямо сейчас. Без промедления. Сто лет назад совет сослал бывшего черного короля в Пустыню Смерти за геноцид белых драконов. За полное уничтожение целого рода.

— И это было справедливо! Это был единственный законный вердикт! — буркнул гномьих вождь, упрямо скрестив руки на широкой груди. — Он заслужил свои пески!

— Это было бы справедливо, если бы геноцид состоялся, — принцесса выразительно постучала пальцем по верхнему листу бумаги. — Но, как мы все прекрасно знаем уже целый век, белые драконы были найдены живыми, здоровыми в той пещере. Фактически, если отбросить эмоции и открыть кодекс, его реальное преступление — это превышение должностных полномочий, незаконное лишение свободы сородичей и развязывание агрессивной войны. За подобное сто лет в одиночном, без магии, под палящим солнцем среди ядовитых песков — это более чем исчерпывающий срок наказания. Он свое отбыл до последней минуты.

Она расправила плечи, и ее фиолетовые глаза вспыхнули с такой силой, что магические кристаллы на столе отозвались синхронным гулом.

— И как Принцесса Белого Дракона, Спасительница Мира, имеющая законное право вето на любые решения всех расовых монархов, я официально заявляю: его дальнейшее нахождение в Пустыне Смерти незаконно. Оно нарушает баланс справедливости, ради которого мы все здесь проливали кровь. Я отменяю приговор вековой давности. Открывайте портал. Возвращайте его обратно.

Совет растерянно, глухо загудел, словно растревоженный улей. Эльфийские дипломаты торопливо, со скрипом начали перелистывать старинные фолианты законов, маги судорожно сверяли параграфы и сноски на полях. Спорить со Спасительницей Мира, которая в одиночку захлопывала межпространственные разломы и держала двойные купола защиты на границах, сейчас не рискнул бы ни один здравомыслящий правитель. Да и юридически она была права. Против закона, подкрепленного силой, аргументов не нашлось.

Фиолетовый портал открылся на том же огромном зеленом поле у рунных камней, где век назад короля бросили в изгнание. Из колышущейся фиолетовой дымки вышел он.

Черный дракон изменился. Породистые черты лица заострились, лицо осунулось от палящего солнца. Взгляд его ядовито-желтых глаз стал другим — глубже, спокойнее и как будто мудрее. Пески выжгли из него прежнее спесивое, удушливое тщеславие, оставив лишь чистую, закаленную сталь. Он впервые за сто лет тяжело, с размахом расправил огромные, затекшие черные крылья и тихо, хрипло выдохнул прохладный воздух свободы.

Девушка стояла неподалеку. Она держала руки за спиной, до боли сцепив пальцы, чтобы никто в этой толпе не видел, как они дрожат.

По решению совета, бывшему монарху навсегда запретили претендовать на трон и объявили мирно жить в Городе Черных Драконов под негласным надзором. Он не протестовал. У него больше не было причин воевать с этим миром. Ему выделили скромный, уединенный дом на самой окраине черного мегаполиса, у подножия скал.

Эдан, шедший вечером с Кирой по замковому саду, где тихо засыпали эльфийские цветы, сокрушенно покачал седой шевелюрой:

— Ну и дела, племянница. Ты перевернула вверх дном законы всех рас, подняла на уши весь континент, чтобы вытащить парня, который за сто лет даже «спасибо» тебе на клочке бумаги не написал.

Принцесса поправила высокий воротник, защищаясь от прохладного вечернего ветра.

— Дядя, настоящая справедливость не требует ответных писем и благодарственных речей. Главное, что закон восторжествовал и ошибка исправлена. И... мне просто самой так легче.

И это была правда. Ей действительно стало легче дышать. Теперь, совершая свои ежедневные тренировочные полеты, принцесса больше не летала к зловещей границе проклятых песков. Ей больше не нужно было смотреть в фиолетовый ад.

Вместо этого она иногда, как бы совершенно случайно, делала красивый, бесшумный круг в облаках над Городом Черных Драконов. Она знала, что ОН там, внизу. Дышит чистым воздухом, видит нормальные человеческие звезды и учится жить заново среди своих сородичей. И пускай он пока не догадывался, чьи фиолетовые глаза бережно провожали его каждую ночь из ночных облаков, Кира была готова ждать. Любовь умеет быть терпеливой, когда самое страшное уже позади. Впереди у бессмертных драконов было еще очень, очень много времени, чтобы однажды их взгляды наконец встретились на равных.

Глава 15

Теплый июньский вечер мягко опускался на замок Принцессы Белого Дракона. Кира сидела в своем кабинете, разбирая стопки бумаг — бесконечные отчеты ее всемирной агентской сети. Жизнь текла своим чередом, размеренно, пока тяжелая дверь не распахнулась с глухим стуком.

На пороге возник Эдан. Лицо ее дяди, старого, повидавшего виды солдата, было подозрительно вытянутым.

— Кира, там к тебе посетитель, — выдавил он, и его рука непроизвольно дернулась к гарде с мечом. — Я бы с большим удовольствием спустил его с подвесного моста в пропасть, но у него, видишь ли, официальное прошение.

Девушка подняла глаза от бумаг, и мир вокруг нее перестал существовать. Сердце совершило тот знакомый, безумный кульбит. Вслед за Эданом в кабинет вошел бывший черный король.

За те несколько месяцев, что он провел на свободе, он успел привести себя в порядок. Время лечит даже тех, кто прошел сквозь ад. Простой, но тонкий черный камзол сидел на нем безупречно, подчеркивая мощные плечи и сильные руки. Осанка оставалась прежней, королевской, но в ядовито-желтых глазах больше не было того слепого, надменного блеска, который она видела на поле боя. Там читалась совсем другая, глубокая, выжженная Пустыней Смерти зрелость человека, который потерял все и научился ценить самые простые вещи: воздух, тишину и право летать в небе.

Он остановился в паре метров от ее стола. Ровно на расстоянии вытянутого меча — так же, как в день их смертельного танца сто лет назад. Круг замкнулся, но оружия между ними больше не было.

— Приветствую тебя, Принцесса Белого Дракона, — его голос провучал глухо, с легкой хрипотцой, но удивительно ровно.

Он отвесил ей легкий, безупречно вежливый поклон. Без пафоса, но с тем уважением, которое не покупается за золото.

— Мое имя теперь просто Алерон, — продолжал он, глядя ей прямо в глаза своим тяжелым, золотым взглядом. — И я пришел просить тебя о службе. В твоём отряде. Мне нужно вернуть долг этому небу, принцесса.

В кабинете повисла такая звенящая, прозрачная тишина, что было отчетливо слышно, как внизу, в саду, эльфы неторопливо спорят о поливе ночных роз.

Эдан, прислонившись к стене, сурово скрестил руки на груди. Он молчал, демонстрируя безупречную воинскую субординацию, но весь его вид — от плотно сжатых в тонкую линию губ до нервно подергивающегося за спиной крыла — буквально кричал о том, что он категорически против этой безумной, опасной затеи.

Кира заставила себя взять в руки взбунтовавшиеся чувства. Она сцепила тонкие пальцы, положила руки на стол и посмотрела на Алерона.

— На службу? — мягко переспросила она. — В мой сектор? Если я правильно помню, Город Черных Драконов предлагал вам вполне безбедное существование в тишине, достатке и покое. Зачем вам ехать на самую опасную, глухую границу этого мира?

— Покой мне не нужен, — черный дракон едва заметно, одними уголками губ усмехнулся.

Он продолжал смотреть ей прямо в глаза — открыто и тяжело. У девушки под белой кожей куртки снова пробежали горячие фиолетовые искры.

— Сто лет в пустых песках дают много времени на размышления, — твердо продолжал он. — Я совершил страшную, глупую ошибку, когда попытался переломать этот мир под себя

и сломать систему секторов. Теперь я хочу эту систему защищать. Я знаю тактику черных стай изнутри, знаю Дальние горы лучше любого вашего картографа и все еще чертовски хорошо умею держать обсидиановый клинок. Твой сектор — самый сложный, принцесса. Тебе нужны сильные войны, которые не побегут, когда небо окрасится зеленым.

Эдан у стены громко, демонстративно и очень выразительно закашлял. Старый дракон явно намекал на то, что «сильных войнов» у них в штате и так пятьдесят четыре штуки, все проверены в боях, и один лишний свергнутый тиран им точно не сдался.

Кира не повернула головы на кашель дяди. Она смотрела на Алерона и понимала, что эта его новая, выжженная солнцем честность привлекает ее сильнее прежней королевской спеси. Он пришел к ней сам. Не как завоеватель, а как мужчина, готовый встать за ее плечом под градом чужих ударов.

— К тому же, — тише добавил бывший король, и его суровый взгляд на секунду потеплел, — я знаю, кто вытащил меня из Пустыни. Совет никогда бы не пересмотрел мое дело сам. Они бы просто дождались, пока я там сдохну. Это сделала ты. А я привык платить по своим долгам. Позволь мне отбрасывать этот долг, а не проедать королевское пособие на окраине.

Девушка поднялась из-за стола, ее белые одежды мягко зашуршали в тишине. Она подошла к окну, за которым один за другим зажигались тусклые рунные фонари замка. Мысли путались.

С одной стороны, внутри нее с новой, пугающей силой бушевала все та же бешеная, столетняя тяга к этому человеку. Видеть его каждый день на тренировочной площадке, чувствовать его дыхание, летать с ним в одном боевом клину — это было пределом ее самых тайных мечтаний. С другой стороны, трезвый земной разум жестко шептал: *«Кира, очнись. Эдан против. Твои драконы его возненавидят. Тебя сейчас трясет от одного его вида, ты завтра кинешься ему на шею и вас вместе выкинут в Пустыню».*

Она повернулась к Алерону.

— Ваше предложение неожиданно, — вежливо, с легкой дистанцией произнесла она. — Мне надо подумать.

Алерон удивленно приподнял бровь. Он явно не понимал что тут думать, но спорить со Спасительницей Мира не стал. На его иссушенных ветром губах появилась едва заметная, но уже не хищная, а вполне человеческая, теплая улыбка.

— Разумеется, Принцесса. Сколько времени тебе нужно?

— Скажем, три дня, — Кира кивнула. — Мой дядя, командующий Эдан, проводит вас до гостевого крыла замка. Пожалуйста, не трансформируйтесь в черного дракона в пределах внутреннего двора. Вы можете напугать эльфийских садовников, они только-только привели в порядок клумбы.

— Как прикажешь, — Алерон снова поклонился — на этот раз чуть ниже — и послушно, без лишних слов пошел к выходу.

Эдан, проходя мимо Киры вслед за гостем, на секунду задержался, наклонился к ее уху и свирепо прошептал:

— Если ты примешь этого чешуйчатого гада, я заставлю его чистить конюшни до блеска и каждую субботу сдавать нормативы по физподготовке. До седьмого пота. Посмотрим, насколько тогда хватит его королевской гордости!

Дверь наконец закрылась, отрезав шаги мужчин. Девушка осталась одна в полутемном кабинете. В окно заглядывали первые ночные звезды.

Она подошла к большому старинному зеркалу в резной раме, посмотрела на свое бледное отражение в безупречно белом кожаном костюме и вдруг тихо, искренне рассмеялась — впервые за долгие, серые годы этого затянувшегося одиночества. Напряжение, державшее ее сердце в тисках целый век, растаяло без следа.

Ее столетняя размеренная, безопасная и предсказуемая жизнь Спасительницы Мира только что окончательно, бесповоротно и совершенно нагло полетела кувырком. Но, черт возьми, именно в этот теплый июньский вечер она впервые почувствовала себя по-настоящему живой.

Глава 16

Три дня пролетели в непрерывных спорах. Эдан мерил кабинет широкими, яростными шагами, то и дело размахивая руками, а Кира спокойно пила горячий травяной чай, завернувшись в свой неизменный белый плащ. За окном шумел дождь, смывая июньскую пыль.

— Взять под крыло бывшего тирана? Девочка, ты в своем уме?! — Эдан аж задышался от возмущения, останавливаясь посреди комнаты. — Да такие люди не меняются! Он спит и видит, как вернуть себе корону и снова поставить всех на колени!

— Дядя, включи логику, — мягко прервала его Кира, ставя чашку на стол. — Оставлять его в Черном городе без присмотра, где полно его бывших, обиженных на жизнь и власть сторонников — вот это риск. Там он быстро станет знаменем для нового бунта. А здесь, в нашем секторе, он будет как на ладони. Под моим контролем и под твоим чутким, безжалостным командирским надзором.

Эдан замер. Он со скрипом переваривал информацию. По его суровому, обветренному лицу старого вояки скользнула злобещая, довольная ухмылка.

— Ладно, — процедил он. — Твоя правда. Но устав для него будет тройным. Никаких поблажек за былые заслуги. Начнет с самой грязной работы — с чистки тренировочного снаряжения после дождей.

На четвертый день Алерон был официально зачислен в штат.

Первые недели его пребывания в стае из пятидесяти черных драконов напоминали холодную войну. Напряжение в воздухе было таким плотным, что его можно было резать маминым мечом. Черные драконы, суровые войны, демонстративно, со стуком опускали кружки и замолкали, когда Алерон заходил в общую столовую. А на тренировочной площадке Эдан гонял его так, словно пытался выжать из бывшего короля всю спесь до самой последней капли.

Алерон терпел. Без единого слова жалости, без тени прежней гордости он драил тяжелые медные щиты, тренировался на износ до кровавых мозолей и послушно носил самую простую черную форму рядового дракона. Пустыня Смерти научила его главному правилу выживания — уменью ждать и молча держать удар.

Девушка наблюдала за этим со стороны. На утренних построениях она видела его резкий, спокойный профиль, ловила редкие, непроницаемые взгляды желтых глаз. Но между ними оставалась непреодолимая стена субординации. Для него она была недостижимой Принцессой, Спасительницей Мира, которая вытащила его из фиолетового ада просто из чувства справедливости.

Все изменилось через месяц. Северо-западный рубеж снова затрещал, и ночное небо раскололось уродливой трещиной.

Из фиолетового разлома лавиной повалили огромные летающие твари — подземные скорпионы с кожистыми крыльями и длинными хвостами, брызжащими живой, выжигающей камни кислотой. Бой сразу стал яростным, грязным и тяжелым. Кира привычно, до хруста в суставах, удерживала двойной защитный купол над пехотой людей и черными драконами в небе. Но в этот раз разлом пульсировал неестественно, пугающе мощно.

Внезапно из трещины вырвался гигантский вожак стаи — ослепительно быстрая, многоглазая тварь. Она на полной скорости прицельно ударила шипастым хвостом прямо по куполу белой магии.

Щит треснул с оглушительным, похожим на взрыв звоном. От страшной ментальной отдачи принцесса вскрикнула. Ее человеческий облик в белом покачнулся в воздухе, словно сбита птица. Теряя сознание от мгновенного магического истощения, она начала стремительно падать вниз, на острые скалы. Мамин черный меч выпал из ослабевших пальцев.

— Кира! — взревел Эдан в ментальной сети, но он был зажат тремя монстрами на другом фланге и не успевал. Мир вокруг замер, отсчитывая последние секунды ее жизни.

В следующую минуту небо над полем боя расколол оглушительный рев, от которого содрогнулись горы. Это был не просто крик ярости — это был рев дракона, который защищает то единственное, ради чего он вернулся с того света.

Огромный, угольно-черный дракон, двигаясь на грани фолла, на безумной, самоубийственной скорости сложил крылья и бросился в вертикальное пике. Алерон. За долю секунды до падения на камни он поймал Киру огромной чешуйчатой лапой. Сделал это невероятно бережно, почти невесомо, прижав ее к своей горячей груди, а вторым, сокрушительным взмахом тяжелого хвоста намертво впечатал напавшего вожака в скалу, превратив монстра в кровавое месиво.

Прямо в воздухе он поймал зубами падающий мамин меч, совершил крутой вираж и плавно опустился на землю рядом с командным пунктом. На глазах у изумленной человеческой пехоты и зависших в притихшем небе черных драконов огромный ящер обернулся в человека. Он опустил бледную девушку на примятую траву и протянул ей рукоять меча.

— Твое оружие, Принцесса, — хрипло произнес Алерон, тяжело дыша. Его простая черная куртка рядового была насквозь прожжена едкой кислотой, а на плече зияла рваная рана. — Больше не падай.

Бой был оперативно завершен. Черные драконы, вдохновленные этой дикой яростью бывшего короля, за считанные минуты разорвали остатки тварей в клочья.

Вечером в лазарете замка царила причина после боя суэта — пахло спиртом, горькими травами и чистыми бинтами. Принцесса, уже пришедшая в себя после магического обморока, пришла проверить раненых. У кровати Алерона она неожиданно обнаружила Эдана. В руках у грозного, обычно застегнутого на все пуговицы дяди была пузатая бутылка крепкой эльфийской настойки и два оловянных кубка. Холодная война между ними кончилась там, на скалах.

— ...и я ему говорю: траектория у тебя была чисто самоубийственная! Сложил крылья как безумец! — громко, с азартом возмущался Эдан, наливая янтарную жидкость. — Но за маневр — пять баллов, даже я бы так не смог. Ладно, чертяка, пей. За спасение племянницы.

Алерон сдержанно, одними уголками губ улыбнулся и принял тяжелый кубок.

— Как себя чувствуете, Алерон? — спросила она, подсаживаясь ближе к его койке. Ее сердце колотилось так сильно и глухо о ребра, что казалось, этот стук слышен на весь притихший лазарет.

— Жить буду, Принцесса, — бывший король посмотрел на нее в упор.

И впервые в его ядовито-желтых драконьих глазах промелькнуло что-то еще, кроме столетней усталости и выжженного солнцем одиночества. Там загорелся глубокий, искренний и едва заметный теплый огонек. Взгляд мужчины, который наконец-то разглядел в Спасительнице Мира хрупкую женщину, которую хочется защищать.

— Вы сегодня отлично, чертовски правильно держали барьер. Твой отец гордился бы тобой.

Девушка посмотрела на его забинтованное плечо, затем в его золотые глаза и поняла: стена субординации, которую она так тщательно строила, дала трещину.

— Спасибо что спас мне жизнь, — Кира улыбнулась, чувствуя, как щеки предательски, по-девичьи розовеют. Она быстро повернулась к дяде, чтобы перевести тему. — Эдан, как обстановка в стае? Что говорят наши драконы?

Эдан неторопливо пригубил горькую настойку, вытер усы тыльной стороной ладони и весело хмыкнул. В его глазах плясали искорки доброго юмора.

— Драконы уже всю спорают на серебро, кто первый пойдет к Алерону учиться его коронному вертикальному пике, — ответил старый командир. — Теперь он официальный наш.

Кира снова посмотрела на Алерона. Тот сидел на госпитальной койке, спокойный, прямой, с легкой полуулыбкой на искусанных губах. Тяжелое, давящее напряжение прошлых недель растаяло без остатка, уступая место чему-то совершенно новому — хрупкому, теплomu и бесконечно важному.

Глава 17

В ту ночь Кира долго не могла уснуть. Мысли блуждали где-то далеко, в прошлых жизнях. Накинув на плечи плащ, она вышла на просторную смотровую террасу замка. Высоко в небе плыли рваные облака, холодно серебрясь в лунном свете. Воздух был прохладным, чистым и пах сырой хвоей.

— Опять гипнотизируешь небо, Принцесса? — раздался тихий, глубокий голос из темноты.

Девушка вздрогнула от неожиданности, но тут же облегченно улыбнулась. Из тени каменной колонны бесшумно вышел Алерон. На нем была все та же простая черная куртка рядового дракона, но сидела она на нем лучше любого парадного мундира. Он подошел ближе и встал у перил, но намеренно сохранил дистанцию — ровно на расстоянии вытянутого меча.

Древний, незблемый закон, выжженный в их драконьей крови, — закон, запрещающий союзы, любовь между черными и белыми, — незримой, ледяной стеной стоял между ними на этой террасе. Им было нельзя. Но этот запрет не мог помешать им просто дышать одним воздухом и говорить.

— Привычка, — ответила Кира, не отрывая взгляда от бегущих облаков. — В моем прежнем, земном мире это была единственная ниточка, которая связывала меня с настоящим домом. Я ничего не знала о драконах, но всегда смотрела вверх и чувствовала, что должна быть там. В вышине. Что мое место — в небе.

— Я знаю, — негромко, в тон ей произнес Алерон.

Он устремив свой тяжелый золотой взгляд в ту же лазурную, залитую лунным светом высь. Его профиль казался высеченным из камня.

Кира удивленно повернула к нему голову. Его профиль в лунном свете казался высеченным из камня, но взгляд желтых глаз был непривычно спокойным, открытым и пугающе близким.

— Откуда ты можешь знать? — спросила она. — Мы ведь не общались до поединка. А на поле боя ты смотрел на меня так, словно хотел испепелить на месте одним взглядом.

Черный дракон коротко, горько усмехнулся. В этой усмешке не было прежней королевской спеси — только усталое признание собственных ошибок.

— На поле боя я был ослеплен гордостью, — негромко произнес он, не отрывая взгляда от луны. — Я видел перед собой лишь белую девчонку, которая пришла ломать мои планы. Но я говорю про другие сто лет. Про те сто лет, что я провел на самом дне проклятой Пустыни Смерти.

Сердце принцессы пропустило тяжелый удар. Она затаила дыхание, боясь шевельнуться и разрушить этот момент. Ночной воздух между ними казался натянутой струной.

— Пустыня Смерти — страшное, паршивое место, — продолжал Алерон, и в его голосе проскользнула тень. — Она не просто лишает тебя магии. Это можно пережить. Она медленно, по капле выжигает твой разум. День за днем ты видишь только бесконечные фиолетовые пески и собственную тень. Одиночество там осязаемо, оно начинает сводить тебя с ума. Постепенно ты забываешь звуки, стираются лица из прошлой жизни, ты начинаешь терять самого себя. Но каждый день, ровно в двенадцать часов дня, когда солнце вставало в зените, над самым горизонтом появлялась одна и та же белоснежная драконица. Всего на пару минут.

Кира ошеломленно округлила глаза, прижав ладонь к груди. Ей искренне казалось, что она держалась на такой безумной высоте, у самой кромки барьера, что снизу, с земли, ее белое тело драконицы было невозможно разглядеть среди облаков. Она думала, что ее полуденные побеги были ее личной, неприкосновенной тайной.

— Ты... ты видел меня? — едва слышно прошептала она. Слова давались с трудом, словно воздух на террасе вдруг стал слишком густым.

— Я видел тебя, — кивнул дракон, и на его суровом лице не дрогнул ни один мускул. — Проклятая магия песков блокирует силу. Она делает тебя беспомощным человеком, но она не может ослепить дракона, принцесса. Ты держалась высоко, почти у самых облаков. Делала всего один короткий круг над кромкой барьера. Всего один миг, один взгляд вниз... Но для меня этот короткий полуденный миг стал единственным смыслом существования на сто лет вперед.

Он перевел взгляд на свои ладони, лежащие на каменных перилах. Словно заново переживал те бесконечные, раскаленные часы ожидания.

— Я ждал эти минуты как сумасшедший. Твой ослепительно белый силуэт в чистом, свободном небе — именно это не давало мне окончательно сойти с ума. Ты спасла меня задолго до того, как ворвалась на Великий совет и швырнула им в лица свои бумаги. Ты возвращала мне разум каждый день.

В мыслях Киры воцарился глухой, звенящий хаос. Все хладнокровие рассыпалось, уступая место пьянящему, горько-сладкому чувству. Оказывается, ее столетняя одинокая драма, ее безмолвная тоска у фиолетовой границы вовсе не была бессмысленной глупостью. Он выжил только благодаря ей. В изгнании человеку всегда нужен кто-то, ради кого стоит дотянуть до рассвета.

Алерон посмотрел на нее, по-прежнему упрямо удерживая строгую, уважительную дистанцию. Между ними не было прикосновений, судорожных объятий или красивых романтических жестов из дешевых книжек. Древний, жестокий закон их мира, все еще незримо стоял между черной и белой чешуей. Нарушать его они не собирались — они слишком дорого заплатили за право просто дышать.

Но в его ядовито-желтых глазах сейчас горело то, что было в тысячу раз сильнее любых физических прикосновений, — абсолютная, выжженная до основания верность.

— Я пришел в твой сектор не ради призрачного долга перед Великим советом, Принцесса, — глядя ей прямо в душу, признался он. — И не ради законов. Я пришел, потому что мое небо теперь только там, где летаешь ты. Другого неба у меня больше нет.

Девушка посмотрела на Алерона и улыбнулась ему. Нарушать законы они не будут. Но делить одно бескрайнее синее небо на двоих, лететь крыло к крылу сквозь грозы и разломы им теперь никто не мог запретить.

Глава 18

Прошло несколько недель. Время тянулось серой, ровной полосой. Утренние построения, тренировки, пахнущие потом, общие обеды. Иногда где-то на окраинах открывались мелкие разломы. Из них лезла всякая дрянь, но вяло, неохотно. Королевскую армию ради этого даже не будили — справлялись малыми группами.

Все было как обычно. И все-таки все изменилось. Из-за Алерона. Он почти не говорил, но его взгляд — тяжелый, внимательный, неотступный — преследовал Киру каждую минуту. Это было странное, молчаливое присутствие, которое превращало эти недели в какой-то лихорадочный, обостренный праздник.

А потом наступил День Великого Дракона. Наше местное солнцестояние. В большой зале устроили грандиозный пир. Шумело вино, трещали факелы, пахло жареным мясом.

Кира поднялась со своего места. Она смотрела на своих войнов — драконов, которые всегда были рядом, — и находила для каждого теплые слова. В ее голосе не было фальшивого пафоса, только усталая нежность. Зала взревела. Они пили за свою принцессу до дна.

Ей вдруг стало душно. Запах хмеля чужого веселья забивал легкие. Белый плащ на плечах вдруг стал тяжелым. Кира поставила кубок, повернулась и незаметно выскользнула в темный, прохладный коридор, где пахло каменной сыростью и ночным покоем.

В пустом, тонущем в полумраке коридоре повисла тяжелая, гулкая тишина. Издалека, сквозь толстые каменные стены, доносился приглушенный, почти нереальный рокот чужого праздника, но здесь время словно замедлило свой ход, превращаясь в тягучую смолу.

— Сбежала, Принцесса? — негромко спросил Алерон.

В его глухом голосе больше не было привычной маски подчиненного, которую он упрямо носил на утренних построениях. Осталась только странное, лихорадочное напряжение в глубоких желтых глазах.

— Там слишком шумно, — тихо ответила девушка.

Она попыталась прижать ладонь к груди, чтобы унять внезапно зачастившее, взбунтовавшееся сердце. Воздуха в коридоре катастрофически не хватало.

Черный дракон молча посмотрел на нее. На его бледном лице, иссеченном тенями от редких настенных факелов, отразилась короткая, яростная внутренняя борьба. А затем он сделал шаг вперед. Всего один короткий шаг, который сокрушительным ударом разнес в щепки все мыслимые уставы, вековые табу и то самое безопасное расстояние вытянутого меча, которое они так тщательно оберегали. Незримая стена, разделявшая их целый век, дала трещину.

— Знаешь, — произнес Алерон, останавливаясь так близко, что Кира почувствовала кожей горячее тепло его дыхания. — Там, в небе... когда я увидел, как рушится твой купол, и ты летишь вниз, на эти чертовы скалы, я понял простую вещь. Мне плевать. Слышишь? Мне плевать на законы этого мира.

Он протянул руку, его пальцы судорожно замерли в миллиметре от ее плеча, так и не решившись коснуться белой кожи платья, но этот жест весил больше любых обещаний.

— Если бы я тебя тогда не удержал, — его голос на мгновение дрогнул от затаенного, страшного воспоминания, — мне незачем было бы возвращаться из Пустыни Смерти. Мое небо рухнуло бы вместе с тобой.

Кира смотрела на него, и вся вековая сдержанность Спасительницы Мира капитулировали без боя. Осталась только голая, пронзительная правда двух одиноких душ, которые слишком долго шли сквозь фиолетовые пески друг к другу, чтобы теперь испугаться старых сказок.

— Алерон... — едва слышно, на самом выдохе прошептала она.

Это имя, произнесенное ее губами в пустом полумраке, стало детонатором. Обоих сорвало одновременно, лавиной, которая сметает на своем пути любые укрепления, законы и здравый смысл.

Алерон сделал резкий, слепой шаг вперед. Он буквально увлек ее за собой, пряча от всего мира в узкий, пахнущий старой пылью и сухими травами закуток между тяжелыми гобеленами коридора. Его губы накрыли ее в яростном, изголодавшемся за век одиночества и совершенно отчаянном поцелуе. В этом поцелуе была вся горечь Пустыни Смерти и вся надежда их коротких полуденных встреч.

Кира тихо, судорожно ахнула, но не оттолкнула его. Напротив — она вцепилась пальцами в широкие плечи, отвечая ему с той же дикой, накопленной за сто лет страстью. Это было пьянящее, смертельно опасное безумие, от которого кружилась голова. Сильные плечи дракона плотно прижали ее к прохладной, шершавой каменной стене, но девушка больше не замечала холода замка. Ее руки скользнули вверх по его груди, пальцы судорожно вцепились в плотную ткань темной рубашки. Поддавшись безумному, слепому импульсу, она одним резким движением стащила ее с его плеч.

И именно в этот момент, когда ткань с тихим, шуршащим звуком сползла вниз, обнажая его горячую кожу, в их головах наконец сработал предохранитель. Тот самый последний рубеж обороны, который удерживает войнов от безумия перед лицом неминуемой гибели. Они оба замерли. Рваное дыхание дракона обжигало ее шею. Они стояли в темноте, балансируя на самом краю пропасти, за которой начинался запретный огонь их драконьей природы.

Кира уперлась ладонями в его обнаженную, горячую грудь. Алерон уткнулся лбом в ее плечо, словно искал защиты от самого себя.

Напрягая каждую мышцу, борясь с собственным телом, бывший король отстранился на положенное, законное расстояние вытянутого меча. Он поднял с плеч рубашку, его пальцы слегка подрагивали, когда он возвращал одежду в порядок.

— Извини, — хрипло, глядя куда-то в сторону, на темный узор гобелена, произнес он. — Я не должен был нарушать дистанцию. Я подставил тебя. Я повел себя как эгоист.

Девушка сделала глубокий вдох, расправляя складки своего белоснежного кожаного костюма и возвращая себе привычную, непроницаемую маску спокойной Принцессы. Минутная вспышка безумной страсти обернулась суровой реальностью их вселенной. Но в ее фиолетовых глазах вместо испуга или стыда сейчас горела холодная, упрямая решимость человека, который не будет отступать.

— Ты ни в чем не виноват, — твердо сказала она. Ее голос больше не дрожал. — Мы оба этого хотели. И прекрати извиняться. Но этот закон, который запрещает нам быть вместе... он глупый, несправедливый и устаревший. И я не собираюсь всю жизнь жить по правилам, которые придумали перепуганные жрецы в начале времен.

Она развернулась и бесшумно, не оборачиваясь, вышла из закутка в пустой коридор, направившись к своим покоям. Ее белые одежды промелькнули в полумраке и растаяли.

Алерон остался стоять один в прохладной темноте. Он смотрел ей вслед, и в его желтых глазах застарелая тоска изгнанника медленно уступала место отчаянной вере в эту удивительную девушку, которая только что объявила войну самой драконьей природе.

Глава 19

Утро пахло сырým камнем и остывающим небом. В такие часы особенно остро чувствуешь, что жизнь — это лишь короткий промежуток между двумя дождливыми ночами.

Принцесса Белого Дракона, которую слишком громко звали Спасительницей Мира, созвала Великий совет. Город Белых Драконов встречал туманом. Кира взяла с собой весь свой сектор — Эдана, Алерона и пятьдесят черных драконов. Войнов, которые знали цену молчанию и верности. Когда эта колонна во главе с девушкой в ее ослепительно белом костюме вошла в амфитеатр, правители всех рас поднялись со своих мест. В этом жесте не было страха — только глубокое уважение.

Кира вышла в самый центр. Вся ее привычная сдержанность исчезла. Остался лишь чистый, отчаянный азарт человека, которому больше нечего терять, кроме своего сердца.

— Уважаемые правители, драконы, маги, эльфы и гномы, — ее голос, усиленный магией неба, звучал тихо, но этот стук отзывался в каждом углу под куполом. — Сто лет я защищаю этот мир. Я доказала, что преданна этой земле. И сегодня я прошу вас отменить закон, который мы слишком долго считали правильным. Самый жестокий закон нашей вселенной. Я прошу отменить запрет на союзы между черными и белыми драконами.

Зал отозвался тяжелым, глухим ропотом — так шумят вековые деревья перед бурей. Верховный колдун поднялся. Его борода дрожала, но в глазах была не злость, а глубокая, вековая скорбь:

— Принцесса. Мы преклоняемся перед вашим мужеством, но это кощунство. Это не просто строчка в кодексе, это незыблемый закон прародителя нашего мира. Он высечен в самой магии. Черным и белым нельзя быть вместе. Это разрушит баланс, который держит нас над бездной.

Прежде чем эхо его слов затихло, Алерон шагнул вперед. Он сделал это просто и спокойно, заслоняя свою принцессу широким плечом от тяжелого взгляда совета. В его молчании было больше нежности и решимости, чем во всех заклинаниях этого мира.

Тишина в зале стала осязаемой, тяжелой, как свинец. Кира мягко коснулась рукава Алерона — едва заметный жест, понятный только им двум, в котором было больше близости, чем в самых громких клятвах. Она спокойно дождалась, пока утихнет этот ропот, и сделала шаг вперед. Теперь они стояли плечом к плечу — женщина и мужчина, которые прошли через ад и нашли друг друга вопреки всему миру.

На ее губах заиграла та самая горькая, опасная улыбка, с которой обычно идут в последнюю атаку.

— Отлично, — ее голос прозвучал удивительно отчетливо. — У меня вопрос к знатокам нашей истории. Скажите мне, почтенные, а сам Великий Дракон... он был черным или белым?

Маги растерянно переглянулись. В их глазах читалось замешательство людей, чьи привычные догмы вдруг дали трещину. Верховный колдун замаялся, его голос потерял прежнюю уверенность:

— Он... он сочетал в себе все. Он был первозданным.

— Именно! — отрезала Кира.

В ее фиолетовых глазах, глубоких и темных, как ночное небо, вспыхнула первозданная магия ее отца. В этот миг Алерон посмотрел на нее — в его взгляде не было страха перед советом, только безграничная, молчаливая гордость за женщину, ради которой он был готов перевернуть саму землю.

— Он сочетал в себе все, — продолжала она, и каждое слово падало, как капли дождя на сухую мостовую. — Так кто же решил, что его дети должны быть изолированы друг от друга? Кто и когда постановил, что их любовь — это преступление? Перед вами стою я. Живое, ося-

заемое опровержение этого мифа. Я — дочь белого короля-мага и черной королевы-воительницы. По вашей логике, я должна была родиться чудовищем, нарушающим баланс. Но я стала той, кем вы меня называете, — сильнейшей драконицей этого мира. Закон не просто ошибочен. Его когда-то глупо и предвзято истолковали. Этот запрет принес моим родителям только сломанные жизни и смерть. И я больше не позволю ему ломать чужие судьбы.

Она не назвала Алерона по имени, но все в зале почувствовали, к кому обращены эти последние слова.

В амфитеатре воцарилась оглушительная тишина. Это была тишина капитуляции перед чистой, непререкаемой логикой и силой чувства, против которой у старых законов просто не нашлось оружия.

— Объявляю всеобщее голосование, — твердо сказала она. В ее голосе не было вызова, только спокойная уверенность драконицы, который знает: назад дороги нет. — Кто за то, чтобы вернуть людям право на жизнь? Кто за отмену?

Эдан опустил свой тяжелый кулак на деревянный стол. Звук получился глухим и весомым, словно выстрел в закрытом пространстве.

— Мой сектор «за»! — отрезал он, и этот рокот заставил совет вздрогнуть.

В ту же секунду пятьдесят его черных драконов подняли руки. Это было похоже на строй бойцов, готовых идти в атаку. Они знали, что такое приказы, но сейчас они голосовали за нечто большее, чем устав.

Совет замер в нерешительности. Старые кресла скрипели под весом сомневающихся правителей. И в этой звенящей паузе на трибунах произошло то, чего не могла предугадать ни одна, даже самая чуткая агентская сеть. Из сектора обычных зрителей вышли двое. Они шли медленно, пряча глаза от яркого света амфитеатра, но их пальцы были переплетены так крепко, словно от этого зависела их жизнь. Молодой черный воин из отряда белого дракона Габриэля и хрупкая белая драконица.

Они подошли и встали чуть позади Киры и Алерона. Какое-то мгновение казалось, что им тяжело дышать под прицелом сотен взглядов.

— Мы тоже «за», — тихо, но удивительно отчетливо произнесла девушка. Она посмотрела на Киру, и в этом взгляде было столько выстраданного уважения и надежды, сколько бывает лишь у тех, кто долго ждал рассвета. — Мы любим друг друга уже тридцать лет. И мы устали прятаться по холодным пещерам, как преступники, виновные лишь в том, что бьются наши сердца.

По залу пронесся ошеломленный вздох. Но плотина уже рухнула. Вслед за ними со своих мест поднялись еще три пары — черные воины и белые маги в своих чистых мантиях. Драконы, которые годами носили маски и скрывали свои чувства под вечным страхом изгнания в Пустыню Смерти. Они выходили в центр зала без лишних слов. Просто вставали живой стеной за спиной своей Принцессы, и Алерон приветствовал каждого из них едва заметным, скупым кивком война, встретившего своих на передовой.

Лорд Габриэль долго смотрел на своих бойцов. Потом перевел взгляд на Киру. В его глазах отразилась вся усталость этого мира, накопленная за столетия войн и сухих законов. Он тяжело вздохнул — так вздыхают, принимая неизбежное, — и поднял руку.

— Третий сектор поддерживает Принцессу, — произнес он, и в его голосе проступила горькая улыбка. — Хватит этой глупости.

Это был переломный момент. Один за другим правители людей, эльфов и даже всегда ворчливых, упрямых гномов начали поднимать руки. Против непререкаемого авторитета Спасительницы Мира и этой тихой, но сокрушительной волны искренности у старых догм не осталось никаких шансов. Бумага и древние чернила проиграли живым людям.

— Большинство голосов... — растерянно и очень тихо объявил верховный колдун.

Тяжелый ритуальный молоток выпал из его пальцев и с глухим, неуместным стуком покатылся по столу. Колдун смотрел на свои руки, словно не узнавал их.

— Закон Великого Дракона объявляется неправильно истолкованным и официально упраздняется. Отныне драконы вольны выбирать свою судьбу сами.

В следующее мгновение стены старого амфитеатра дрогнули. Мир, который минуту назад казался застывшим в своей вековой скорби, взорвался сумасшедшим, оглушительным ликованием.

Молодые пары, еще секунду назад испуганно державшиеся за руки, обнимались, не стесняясь чужих глаз.

Девушка повернулась к Алерону.

Вокруг них бушевал океан, но здесь, в самом центре зала, время словно остановилось. Нарушать дистанцию вытянутого меча больше было не нужно.

Черный дракон сделал долгожданный шаг вперед. Один короткий шаг, который они ждали целую вечность, сокращая расстояние между ними до нуля. Прямо на глазах у ликующего Великого совета он крепко, надежно обнял свою белоснежную Принцессу, прижимая ее к себе так, словно хотел защитить от всего прошлого и будущего сразу.

Кира уткнулась лицом в его плечо, пахнущее кожей, дорожной пылью и близким дождем. Сто лет одиночества, сто лет чужих запретов закончились. Они стояли среди кричащей толпы и их общее небо над головой наконец-то стало свободным.

Глава 20

Грандиозный праздник в замке гремел так, что, казалось, старые рунные камни на границах сектора подпрыгивали в такт музыке. В такие ночи понимаешь: если мир и можно спасти, то только с помощью хорошего вина и безумия, которое люди называют счастьем.

Эдан превзошел сам себя. Дядя лично выкатил из подвалов столетние запасы эльфийского вина и гномьей настойки. Он организовал гуляния какого-то космического масштаба, словно пытался за одну ночь наверстать все упущенные за век радости.

В главном зале творилось веселое, шумное безумие. Черные драконы Эдана братались с белыми магами. Оказалось, что без своих мундиров и догм они умеют смеяться одинаково. Влюбленные пары драконов, которым Кира сегодня подарила свободу, танцевали в центре залы под оглушительные аплодисменты эльфов и одобрителный рев гномов.

Сам Эдан, взобравшись на дубовый стол с тяжелым кубком в руке, в очередной раз вещал лорду Габриэлю, сокрушая остатки дворцового этикета:

— И тут она спрашивает этого старого сморчка: «А Великий Дракон сам-то какого цвета был?!» Ха! Видел бы ты его бороду, Габриэль! Она у него отнялась вместе с челюстью! Наша девочка просто укатала весь Великий совет в сукно!

Пока замок ходил ходуном от топота танцующих ног, а хмельные воины наперебой спорили, чья чешуя круче блестит в лунном свете, две тени незаметно выскользнули через боковой пост охраны. Кира и Алерон сбежали с собственного триумфа. Им не нужны были славящие крики, чужие восторги и ликующие тосты.

Они улетели далеко вглубь векового эльфийского леса, который рос на южной границе сектора. В таких местах понимаешь, что мир существовал задолго до нас и будет существовать после, а все наши законы и войны — лишь суета. Здесь, среди гигантских деревьев, чьи кроны светились мягким изумрудным светом, царила тишина. Только тихо, убаюкивающе шелестела листва да где-то в немыслимой вышине перекликались ночные птицы.

Опустившись на мягкий, пахнущий сыростью мох у хрустального лесного ручья, они приняли человеческий облик.

Алерон обернулся к принцессе. Наверное, это и есть счастье — момент, когда понимаешь, что расстояние вытянутого меча больше не существует. Барьеры, казавшиеся вечными, рухнули под напором одной упрямой жизни. Он сделал шаг вперед, и его большие ладони легли на ее талию. Он держал ее мягко, бережно, словно все еще боялся повредить это хрупкое земное чудо, которое ради него перевернуло всю вселенную.

— Ты действительно это сделала, — произнес он.

Он смотрел в ее фиолетовые глаза, и в его ядовито-желтом взгляде горело такое сильное, чистое чувство, от которого у девушки перехватило дыхание.

— Кира... Сто лет в Пустыне Смерти я выжил только потому, что видел тебя в небе. Это была единственная ниточка, державшая меня над бездной. Но я никогда не думал, что получу право сказать это тебе вслух. Я люблю тебя. Люблю так, что готов был вечность провести в тех проклятых песках, лишь бы раз в день видеть твою тень на облаках. Мое сердце принадлежит тебе. Целиком. Навсегда. Отныне и до последнего моего вздоха я твой воин, твой щит и твой мужчина.

Вода в ручье журчала, смывая столетнюю пыль с их уставших душ, и луна светила им так, словно этот вечер был создан только ради них двоих.

Кира замерла. В темноте ее фиолетовые глаза блеснули от набежавших слез — слез счастья, которые бывают только у тех, кто слишком долго держал оборону в одиночку. Вся ее столетняя скрытность, вся горькая боль изоляции, которую она носила под белоснежным мунди-

ром, растаяли от его слов, как весенний снег. Она подняла дрожащие руки и ласково коснулась его лица, жадно чувствуя ладонями живое тепло его кожи.

В этот миг она наконец открыла ему свое сердце — до самого дна, куда прежде никому не было доступа:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.